8875

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ч,Д2
Ш278

№ 112
BIBLIOTHEQUE GENÈVE RUSSE
ЦД2 / Ш278

Самодержáвїе и самоуправлéнїе.

Изслѣдованіе

Сергѣя Шарапова.

ЖЕНЕВСКАЯ СОЦІАЛ.-РЕВО

БЕРЛИНЪ
1899.
FRIEDR. GOTTHEINER
VERLAGSBUCHHANDLUNG
BERLIN N.W., UNTER DEN LINDEN

Самодержавіе

и самоуправленіе.

Изслѣдованіе

Сергѣя Шарапова.

БЕРЛИНЪ
1899.
FRIEDR. GOTTHEINER
VERLAGSBUCHHANDLUNG
BERLIN N.W. INTER

4695
ЦД2
Ш278

Самодержавіе и самоуправленіе.

Изслѣдованіе

Сергѣя Шарапова.

БЕРЛИНЪ
1899.

1 экз

Самообожаніе

и

самоуправленіе.

Изслѣдованіе

Сергѣя Шарапова.

СПБ.

1899.

BIBLIOTHEQUE
GENÈVE
RUSSE

НЕЛИЦЕМѢРНО,
СВОБОДНО И ЧЕСТНО
ЛЮБИМОМУ
ЦАРЮ СВОЕМУ
НАСТОЯЩІЙ ТРУДЪ
ПОСВЯЩАЕТЪ ГРАЖДАНИНЪ
И ВѢРНЫЙ ПОДДАННЫЙ

АВТОРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 10 Мая 1899 г.

2012

ЦД2
Ш278
Библиотека ИМЭЛ
4-2849

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе было задумано еще давно, какъ результатъ длинныхъ разговоровъ съ покойнымъ И. С. Аксаковымъ во время систематическихъ прогулокъ, предписанныхъ ему врачами, гдѣ я его сопровождалъ по просьбѣ Анны Ѳедоровны. Возстановляя и соединяя въ одно логическое цѣлое все высказанное между нами тогда, я могу засвидѣтельствовать, что изложенная здѣсь схема принадлежитъ мнѣ ровно настолько-же, какъ и покойному Учителю. Не очень охотно углублялся онъ въ нѣкоторыя ея детали, но въ концѣ концовъ долженъ былъ признать, что иной формы для проявленія истиннаго самодержавія быть не можетъ.

Такимъ образомъ, вотъ, въ главныхъ чертахъ наша славянофильская программа государственнаго устройства. Горько и больно, что подобныя вещи приходится печатать за границей, словно какое нибудь нигилистическое изданіе, но что же дѣлать? Мы зашли такъ далеко въ нашей нетерпимости ко всякой свѣжей, нешаблонной мысли, мы такъ упорно навязываемъ одну казенную форму патріотизма, не допуская ничего, что-бы подрывало святость и непогрѣшимость бюрократическаго начала, что ничего другаго не остается.

Наша бюрократія сдѣлала все зависящее, чтобы скомпрометтировать и сдѣлать всѣмъ ненавистнымъ нашъ чудный и свѣтлый историческій принципъ — самодержавіе. Еще немного, и она своего добьется, она этотъ принципъ разрушитъ и вовсе, сдѣлаетъ невозможнымъ, неудержимымъ. Тогда явится „конституція“, какъ актъ отчаянія, начнется парламентаризмъ, и мы сразу попадемъ въ какую нибудь неслыханную Стамбуловщину. Мирная *земская* Россія, которая могла бы

процвѣтать и развиваться, имѣя наверху *истинное* Самодержавіе, станетъ ареною политической борьбы, ненависти, лжи и кровавыхъ насилій. Никто не будетъ въ состояніи разобраться, гдѣ и въ чемъ бѣда, какъ не могутъ въ этомъ разобраться сейчасъ во Франціи.

Нужно-ли это? Неужели *этимъ* долженъ закончиться Петербургскій періодъ русской исторіи?

Сергѣй Шараповъ.

Самодержавіе и самоуправленіе.

I.

Въ наукѣ русскаго государственнаго права есть большой пробѣлъ въ самомъ центральномъ пунктѣ: ученіе о самодержавной власти Русскихъ Государей совершенно неразработано. Оно останавливается нѣкоторыми слабыми комментаріями надъ всѣмъ извѣстною статьею нашего Свода Законовъ и затѣмъ, ничего не уяснивъ, переходитъ отъ центра и источника государственной власти на периферію, къ органамъ и функціямъ этой власти. Съ другой стороны наша государственная практика, теоретически признавая принципъ самодержавія, практически отходитъ отъ него очень далеко, создавая условія, чуть не прямо противуположныя теоретическимъ требованіямъ.

Наша общественная мысль въ вопросѣ о самодержавіи рѣзко раздѣлилась на три теченія: первое, *конституціонно-либеральное,* къ которому примыкаютъ всѣ почти фракціи нашей интеллигенціи, отрицаетъ самый принципъ самодержавія. Второе, такъ называемое *русское,* или *консервативное,* стоя на почвѣ нынѣшняго государственнаго строя, не знаетъ и не хочетъ знать иной формы самодержавнаго образа правленія, кромѣ чисто *бюрократической.* Наконецъ третье, *славянофильское,* самое послѣдовательное, но количественно слабѣе всѣхъ представленное въ литературѣ, исповѣдуетъ принципъ самодержавія антибюрократическій, *земскій,* ища своихъ идеаловъ въ прошломъ, въ до-петровскомъ періодѣ русской исторіи.

О первомъ теченіи говорить едва-ли стоитъ, хотя это теченіе, по численности своихъ силъ и ихъ составу, самое

у насъ главное. Оно сильно своимъ отрицаніемъ только потому, что имѣетъ дѣло исключительно съ защитниками самодержавія изъ второй группы. Славянофильскія воззрѣнія, выражавшіяся до сихъ поръ въ видѣ общихъ положеній теоретическаго характера, наши либералы признаютъ красивою и благородною, но несомнѣнно утопіей, и пока славянофильство не выступило съ совершенно реальною, облеченною въ плоть и кровь программою своего самодержавнаго строя, такое отношеніе до извѣстной степени понятно и извинительно.

Второе, консервативное, или русское теченіе вызываетъ въ нашемъ обществѣ тоже самое отрицательное къ себѣ отношеніе, какъ и защищаемый имъ нынѣшній фундаментъ самодержавія — бюрократія. Здѣсь дѣло восходитъ до самаго первоисточника. Царская самодержавная власть *подлежитъ-ли дробленію* или *дѣленію*, или нѣтъ? Въ этомъ вся сущность спора. Покойный К. Н. Леонтьевъ отвѣчалъ категорически: „урядникъ есть тоже немножко помазанникъ Божій“ и этимъ ставилъ вопросъ на совершенно опредѣленную почву. Устранялись всякіе компромиссы и недоразумѣнія, и отвѣтъ на вопросъ формуловался такъ: да, царская самодержавная власть дѣлима и дробима. Государь облекаетъ ею министровъ, министры директоровъ департаментовъ и. т. д. до послѣдняго низшаго агента власти включительно. Устанавливается огромный и сложный механическій правящій аппаратъ, гдѣ одни органы управляютъ, другіе судятъ, третьи ведутъ хозяйство, четвертые просвѣщаютъ, пятые провѣряютъ и т. д. Если этотъ механизмъ вполнѣ усовершенствовать и наладить, а для его персонала имѣть въ обществѣ постоянный контингентъ хорошо воспитанныхъ, честныхъ и патріотичныхъ кандидатовъ въ чиновники, то задача устроенія русскаго государства по этой теоріи будетъ осуществлена. Благоденствующій народъ внизу, мыслящее и прогрессирующее общество надъ нимъ, а поверхъ всего гигантская пирамида всесильной и всемогущей бюрократіи, увѣнчиваемая самодержавнымъ Государемъ, отъ котораго исходитъ и законъ, и исполненіе, и судъ, и контроль.

Если въ теоріи, эта схема не лишена стройности и законченности, то ея приложеніе въ жизни дало одно любопытное наблюденіе, совершенно уничтожающее всякую вѣру въ этотъ типъ государственнаго строя. Самъ его завершитель въ Россіи, Императоръ Николай I, доведшій способъ механическаго управленія до небывалаго блеска и стройности, былъ вынужденъ охарактеризовать этотъ режимъ безсмертными словами: „Россіей управляютъ столоначальники.“ Съ тѣхъ поръ общество русское совершило огромный культурный прогрессъ: просвѣщеніе перестало быть монополіей дворянства и широко разлилось; нравы улучшились, люди несомнѣнно поднялись въ своемъ умственномъ уровнѣ и облагородились. Чиновники стали, какъ люди, неизмѣримо лучше.

Казалось-бы, долженъ былъ улучшиться и механизмъ управленія. Между тѣмъ, мы видимъ совсѣмъ обратное. Съ тогдашними, сравнительно плохими, силами управленіе было гораздо цѣльнѣе, механизмъ его прочнѣе, законодательство цѣлесообразнѣе и умнѣе, была вѣра въ себя. Теперь стройность исчезла, вѣдомства парализуютъ одно другое, или вступаютъ въ соблазнительныя соглашенія, вѣра въ себя смѣнилась всеобщимъ самоосужденіемъ, на устахъ у каждаго одно единственное желаніе: чтобы этотъ режимъ какъ нибудь закончился, ибо онъ принялъ слишкомъ уродливыя формы и является неизлѣчимымъ и неисправимымъ. Всѣмъ, даже самымъ пламеннымъ поклонникамъ системы бюрократическаго управленія стало ясно, что такъ управлять Россіей далѣе нельзя, такъ законодательствовать нельзя, такъ вести хозяйство нельзя . . .

Режимъ осужденъ окончательно и безповоротно, но выхода не видитъ никто.

Въ нашей печати давно уже не поднималось этого щекотливаго и неудобнаго вопроса. Но поднять его необходимо. Это центръ всей нашей общественной жизни, всѣ ея нити сюда сходятся. До разрѣшенія этого вопроса нѣтъ рѣшенія никакимъ другимъ, ибо всякій частный вопросъ нашего быта органически связанъ съ нашимъ бюрократическимъ строемъ и внѣ его никакому рѣшенію не поддается.

II.

Выходовъ здѣсь, собственно, два; или самодержавіе можетъ быть дробимо и дѣлимо — тогда получается нынѣшній бюрократическій строй, всѣмъ ненавистный и всѣми осуждаемый, или оно *недробимо* и *недѣлимо* — тогда долженъ быть отысканъ нѣкоторый иной, *не-бюрократическій* строй управленія. Въ противномъ случаѣ самодержавіе вовсе невозможно и тогда Россіи остается западный путь конституціи и парламентаризма.

На послѣдній путь и толкаетъ Россію нашъ, такъ называемый либеральный лагерь. Мнѣ-же, какъ одному изъ представителей славянофильской школы, хочется попытаться обрисовать въ краткихъ чертахъ этотъ второй путь недробимаго и недѣлимаго царскаго самодержавія. Въ своихъ основныхъ началахъ онъ уже намѣченъ отцами славянофильской школы. Теорія его дана. Моя задача — свѣрить эту теорію съ практикою, разсмотрѣть, какъ славянофильскія „начала“ могутъ быть выражены реально, въ какихъ формахъ должно вылиться управленіе и самоуправленіе и какъ сложится земскій государственный строй Россіи съ самодержавнымъ и притомъ *дѣйствительно самодержавнымъ* Царемъ во главѣ.

Какъ опредѣляетъ славянофильство самодержавнаго Государя?

Это есть живая личность, принадлежащая, согласно установленнымъ формамъ послѣдованія, къ опредѣленному роду, поставленному Божьимъ и народнымъ изволеніемъ во главѣ русскаго государства. Представляя живое воплощеніе коллективнаго и историческаго организма, Русскій Государь сосредоточиваетъ въ себѣ всю полноту его правъ. Въ лицѣ Государя *всегда вся Россія*. Она, разъ принявъ Христову вѣру по восточному ученію, не можетъ ему измѣнить, и онъ тоже. Она полновластна давать себѣ и отмѣнять законъ. Онъ это дѣлаетъ за нее. Она, какъ членъ остальнаго человѣчества, объявляетъ и ведетъ войны, заключаетъ миръ, вступаетъ въ договоры — всѣ эти функціи принадлежатъ

Царю и никому, кромѣ него, какъ и распоряженіе всѣми ея силами и ея коллективнымъ хозяйствомъ.

Изъ опредѣленія „Русскій Царь есть живое олицетвореніе Россіи“ вытекаютъ всѣ прерогативы и всѣ ограниченія царской власти, весь почетъ и всѣ тяготы царскаго сана. Какъ и Россія, Государь, не ограниченный внѣшнимъ образомъ, никому отчетомъ не обязанный и ничьему суду не подсудный, ограниченъ внутри себя: положительнымъ ученіемъ Церкви, котораго онъ ни отмѣнить, ни измѣнить не вправѣ; своею совѣстью, которой Россія вручаетъ свои судьбы и которой вѣритъ; исторіей, которая для потомства даетъ судъ народамъ и царямъ; наконецъ, живою народною совѣстью, судъ которой, хотя-бы и молчаливый, вѣетъ вѣчно надъ Царемъ.

Давая законы, Государь, очевидно, самъ стоитъ выше закона, какъ его источникъ. Но всѣ остальные его подданные, безъ малѣйшаго исключенія, находятся подъ дѣйствіемъ закона, распространяющагося на всю территорію Россіи. Всѣ права и прерогативы царскія относятся единственно къ лицу Царя. Никто, кромѣ него, и ни на одну минуту не можетъ по праву стать внѣ дѣйствія закона или выше его.

Мысль народа, установившаго самодержавную форму царской власти такимъ образомъ вполнѣ ясна. Все управленіе должно идти на точномъ основаніи закона. Гдѣ законъ безсиленъ, или несовершененъ, поднимается въ лицѣ Царя вся живая Россія и даетъ сверхзаконное рѣшеніе по внушенію его свободной воли и чистой совѣсти, просвѣщаемой Церковью.

Въ эти моменты совершается проявленіе царскаго самодержавія, и чѣмъ свободнѣе царская воля, чѣмъ просвѣщеннѣе совѣсть и сознаніе, тѣмъ вѣрнѣе его судъ, тѣмъ благодѣтельнѣе законъ, тѣмъ мудрѣе распоряженіе.

Русскій народъ всегда вѣровалъ, что совѣсть его царей всегда бодрствуетъ, а сознаніе просвѣщено особымъ царственнымъ воспитаніемъ и ученіемъ. Кромѣ того, онъ знаетъ, что у Царя никакихъ личныхъ, или своекорыстныхъ интересовъ нѣтъ. Вопросъ можетъ быть лишь въ полной, или

неполной *свободѣ царскаго рѣшенія,* вѣрномъ или невѣрномъ проявленіи царской воли.

Здѣсь вопросъ переносится уже на чисто практическую почву и рѣшается, тѣми-же пріемами, какъ математическая задача.

Лицо, которому предложено постановить свободное рѣшеніе въ томъ или другомъ сомнительномъ дѣлѣ, должно прежде всего съ этимъ дѣломъ совершенно ознакомиться, уяснить себѣ и сличить доводы двухъ, или многихъ сторонъ. Для этого требуется 1) время, въ зависимости отъ сложности и трудности дѣла, 2) наличность весьма полно выраженныхъ мнѣній сторонъ.

Попробуемъ подсчитать царское время, принявъ во вниманіе, что каждое царское рѣшеніе, неся съ собой чрезвычайную отвѣтственность передъ Богомъ и исторіей, вызываетъ особую затрату нервной энергіи, дѣйствуетъ особенно разрушительно на здоровье нравственное и физическое. Это легко понять, если представить себѣ, что при чуткой и бодрой совѣсти отъ человѣка ждутъ проявленія свободной воли, отъ котораго зависитъ счастіе и благоденствіе милліоновъ!

Въ году, за исключеніемъ праздниковъ, около 300 рабочихъ дней. Около 100 дней отсюда необходимо исключить на лѣтній отдыхъ для возстановленія силъ. Остается 200 дней. Царское дѣло едва-ли можно дѣлать безъ переутомленія въ теченіи болѣе трехъ часовъ въ день. Оказывается, что въ распоряженіи Государя въ году имѣется всего 600 часовъ, которые должны быть распредѣлены гармонично между слѣдующими обязанностями:

Дѣла Церкви.
Дѣла международныя.
Военная и морская оборона.
Государственное хозяйство.
Народное хозяйство.
Дѣла внутренняго управленія.
Дѣла суда и милосердія.
Дѣла областей и окраинъ.

Дѣла литературы, науки и искусства.
Дѣла просвѣщенія.
Дѣла контроля, статистики и отчетности.
Законодательство.
Особые вопросы (голодъ, Сибирская ж. д. и пр.)
Чтеніе частныхъ записокъ и работъ.

Сюда не входятъ: обязательныя торжества, выходы, пріемы, посѣщенія, осмотры, представленія и пр., требующія сравнительно очень много времени.

Достаточно только представить себѣ весь объемъ современнаго царскаго дѣла, чтобы понять, какъ переутомляются наши Государи съ одной стороны, какъ непропорціонально количество дѣлъ съ количествомъ царскаго рабочаго времени, съ другой.

При этихъ условіяхъ является поистинѣ преступнымъ поднесеніе на Высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе многаго множества пустыхъ и ничтожныхъ дѣлъ ради одной формальности. Какой можетъ быть разговоръ о спеціальномъ Высочайшемъ повелѣніи насчетъ отпуска 1000 р. на командировку чиновника, или 500 руб. на ремонтъ моста, если и важнѣйшія государственныя дѣла физически не могутъ быть изучены Государемъ вслѣдствіе полнаго недостатка времени?

Коль скоро поставленъ принципъ недробимости и недѣлимости самодержавія, малѣйшее злоупотребленіе временемъ Монарха, малѣйшій избытокъ дѣлъ ему предлагаемыхъ, противъ возможности ихъ разсмотрѣть, вызываетъ необходимо Высочайшее рѣшеніе, Высочайшее согласіе, даваемое на вѣру по тому или другому докладу. Государь какъ-бы кредитуетъ министра своею волею, министръ облекается въ своемъ рѣшеніи прерогативами самодержавной власти. Испрошенное и полученное Высочайшее повелѣніе является, между тѣмъ, для министра оправдательнымъ документомъ безспорнаго достоинства, за который съ него лично снимается заранѣе всякая отвѣтственность. Личная самодержавная воля Государя проявляется тамъ и такимъ образомъ, гдѣ и какъ зачастую Монархъ того и не подозрѣваетъ. Все дѣло въ умѣньи составить докладъ и испросить Высочайшее по-

велѣніе, отказать въ которомъ для Государя иногда невозможно уже потому, что является дѣло не терпящее отлагательства, перѣшеніе котораго могло-бы весьма дурно отозваться на управленіи.

Изъ несоотвѣтствія количества предлагаемыхъ Государю рѣшеній съ количествомъ его времени вытекаетъ съ полною неизбѣжностью *расхищеніе* царскаго самодержавія, прикрытіе священнымъ его принципомъ полнѣйшаго произвола подзаконныхъ элементовъ бюрократіи и полная безотвѣтственность послѣдней.

Еще худшее вліяніе на свободу царскаго рѣшенія имѣетъ второй элементъ изъ указанныхъ выше — отсутствіе мнѣній сторонъ. Въ вопросахъ законодательныхъ передъ Государемъ являются противуположныя мнѣнія большинства и меньшинства въ Государственномъ Совѣтѣ (если его мнѣніе выражено не единогласно), которыя онъ и можетъ сличить, а затѣмъ и согласиться съ тѣмъ, или другимъ. Но въ дѣлахъ управленія передъ Государемъ по большей части одно мнѣніе даннаго вѣдомства, критически отнестись къ коему въ высшей степени трудно, ибо въ умѣлыхъ рукахъ и при помощи историческихъ или статистическихъ данныхъ самое странное, чтобы не сказать хуже, предложеніе можетъ быть облечено въ форму, на первый взглядъ весьма разумную и убѣдительную. Присутствіе при докладѣ представителя другаго вѣдомства въ тѣхъ случаяхъ, когда таковое допускается, весьма рѣдко можетъ помочь уясненію дѣла передъ Государемъ, ибо основной принципъ бюрократической работы есть правило взаимнаго невмѣшательства. Министръ Земледѣлія, напримѣръ, знаетъ очень хорошо, что если онъ, хотя-бы и въ интересахъ дѣла, выскажется, положимъ, противъ министра Путей Сообщенія и отвратитъ царскую волю отъ того рѣшенія, которое ему нужно, этотъ послѣдній не проститъ этого вмѣшательства и въ свою очередь постарается парализовать какое-нибудь представленіе по земледѣлію. Отсюда всевозможныя соглашенія и коалиціи вѣдомствъ, совершающіяся вокругъ Государя и въ секретѣ отъ него. Благодаря этимъ соглашеніямъ, слишкомъ у насъ обычнымъ, образуется замкнутый бюрократическій

Библіотека ИМЭЛ

кругъ, гдѣ не только самодержавная воля является вполнѣ изолированною, но и высшее, подготовляющее законы учрежденіе, часто не видитъ передъ собою никакой борьбы сторонъ, а наоборотъ, тѣсную сплоченность всѣхъ главъ правящаго механизма. Истинное направленіе дѣла, истинное его рѣшеніе дано зачастую гораздо раньше, чѣмъ дѣло поступаетъ не только на разсмотрѣніе Государя, но даже въ Государственный Совѣтъ, или Комитетъ Министровъ.

4-2849

Всѣ эти явленія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы было нужно приводить примѣры, или вдаваться въ ихъ подробный анализъ. Всеобщее сознаніе общества установило твердо, что дробленіе и дѣленіе самодержавія, проистекающее отъ несоотвѣтствія времени у Государя съ количествомъ дѣлъ, требующихъ его рѣшенія и отсутствія состязанія передъ нимъ различныхъ мнѣній, привело мало по малу къ почти полной узурпаціи бюрократическимъ механизмомъ власти и идеи самодержавія.

Выйти изъ этого порядка при сохраненіи бюрократическаго начала управленія Россіей, очевидно, *немыслимо*. Ради сохраненія исконнаго нашего принципа — царскаго самодержавія необходимо попытаться для его приложенія и осуществленія создать иную обстановку, чѣмъ была придумана Сперанскимъ, необходимо освободить Верховную волю отъ всякаго внѣшняго руководительства и нравственнаго принужденія. Устанавливая у себя самодержавный образъ правленія, народъ Русскій слишкомъ ясно выразилъ, что онъ передаетъ всю полноту своихъ державныхъ правъ живому лицу, а не мертвому механизму, ибо если дѣло идетъ о механизмѣ, то намъ не зачѣмъ отрекаться отъ западнаго самодержавнаго парламента, изображающаго механизмъ во всякомъ случаѣ лучшій, чѣмъ „самодержавная бюрократія“.

III.

Разсматривая приведенный выше списокъ дѣлъ, на которыя Монархъ не можетъ и не долженъ давать болѣе, чѣмъ 600 часовъ въ годъ своего времени, мы можемъ раздѣлить

эти дѣла на двѣ главныхъ категоріи. Вопервыхъ, дѣла собственно государственныя, т. е. такія, гдѣ безусловно нужна личная инициатива Государя, личное направленіе дѣла, личная и постоянная за него нравственная отвѣтственность. Оставляя въ сторонѣ нераздѣльное съ самомъ царскимъ представительство, къ этой категоріи надо причислить, вопервыхъ, военную и морскую оборону страны и постоянное активное распоряженіе ея вооруженными силами, вовторыхъ, дѣла международныя, и втретьихъ, дѣла государственнаго хозяйства. Здѣсь самодержавная Власть дѣйствуетъ самостоятельно, лично и непрерывно, облекая своихъ агентовъ и исполнителей необходимымъ довѣріемъ, сама ихъ провѣряя и съ нихъ требуя отчета. Народъ здѣсь можетъ выходить на помощь Верховной Власти только своимъ мнѣніемъ въ лицѣ печати, въ видѣ частныхъ записокъ и указаній, наконецъ, въ видѣ отвѣтовъ со стороны своихъ органовъ въ случаѣ, еслибы Верховная Власть пожелала спросить ихъ мнѣніе. Если правильно вести только эти дѣла, то имѣющіяся въ распоряженіи народа 600 часовъ государева времени будутъ уже почти исчерпаны. Чтобы отдѣлить часть времени на остальное, необходимо и безъ того давать исполнителямъ въ этой области больше довѣрія, чѣмъ это было-бы, можетъ быть, желательно, приходится ограничиваться лишь самымъ общимъ руководствомъ, не углубляясь въ детали дѣла, въ силу физической невозможности. Министры иностранныхъ дѣлъ, военный, морской и финансовъ будутъ облечены слишкомъ большимъ довѣріемъ Государя, получатъ огромную по объему власть, будутъ управлять огромнымъ персоналомъ своихъ агентовъ. Принимая на себя непосредственное руководительство въ этихъ областяхъ государственнаго дѣла, Монархъ едва будетъ въ состояніи отдѣлить часть своего времени на все остальное, руководить-же лично всѣми отраслями, очевидно физически не будетъ въ силахъ.

Въ этихъ остальныхъ отрасляхъ, считая опять-же по времени, Государю едва-едва предоставляется возможность даже ознакомиться самостоятельно съ ходомъ дѣлъ. Если удерживать здѣсь бюрократическій порядокъ, то неминуемо почти вся самодержавная власть перейдетъ на соотвѣтствен-

наго министра и отдѣлиться отъ вѣдомства, стать выше его, выступить его судьею и дать свое самодержавное рѣшеніе въ спорѣ между этимъ вѣдомствомъ и интересами народа, Государь физически не можетъ. Это-бы значило стать судьей надъ самимъ собой, ибо все совершается отъ имени и волею Государя. Единственно, что остается Монарху, смѣнить министра, взять новое лицо, которое откроетъ новую систему. Но для этого лица старый осужденный путь является на долгое время обязательнымъ, какъ закрѣпленный рядомъ Высочайшихъ повелѣній, законовъ, правилъ и т. д., отмѣнять которые равносильно коренной ломкѣ. Вотъ почему, разъ двинувшись въ извѣстномъ направленіи, данная система можетъ дойти до страшнаго уродства, вся покрыться заплатами и исключеніями изъ правилъ, но измѣниться можетъ лишь съ большимъ трудомъ.

И всѣ грѣхи, всѣ дурныя послѣдствія относятся къ нимъ въ чемъ неповинному самодержавію, которое не могло не давать полнаго довѣрія призванному къ дѣлу лицу, не могло не уступать ему всѣхъ функцій самодержавной власти.

Самодержавіе Государя на глазахъ у всѣхъ обращается въ самодержавіе министра, послѣднее обращается въ самодержавіе директора, начальника отдѣленія, столоначальника. Наступаетъ полный произволъ и полная безотвѣтственность, ибо управленіе идетъ отъ Камчатки до Калиша, и этого управленія во всемъ объемѣ нѣтъ возможности удержать въ одномъ центрѣ, передавая изъ рукъ въ руки.

Чтобы сохранить во всей чистотѣ принципъ царскаго *личнаго* самодержавія, единственное условіе — провести строго и смѣло безусловную недробимость и недѣлимость самодержавной власти, безусловную невозможность свалить на нее отвѣтственность за результаты управленія, установить, наоборотъ, безусловную отвѣтственность *передъ нею* и передъ закономъ за всякое упущеніе, произволъ, или нерадѣніе. Какъ извѣстно, эту задачу преслѣдовали и устроители нашихъ министерствъ. Какіе разнообразные и хитроумные способы отвѣтственности были придуманы, какъ подробно установлены формы контроля одной власти надъ другой! Господа творцы бюрократическаго

режима забыли только объ одномъ, что люди вездѣ люди и дѣйствуютъ по опредѣленнымъ психологическимъ основаніямъ. Отвѣтственность чиновниковъ въ Россіи была, есть и будетъ — праздное и хульное слово, и какія ни учреждать инстанціи, какія ни придумывать формы, разъ данному агенту удалось похитить долю самодержавной власти, онъ всегда съумѣетъ прикрыться ею отъ всякой отвѣтственности передъ источникомъ этой власти.

Выходъ отсюда одинъ. Самодержецъ — Царь долженъ стоять *внѣ бюрократической машины*. Онъ долженъ хранить эту власть для себя. Что должно быть отвѣтственно передъ нимъ, то не можетъ исходить отъ него, по крайней мѣрѣ, въ области внутренняго управленія, то не должно сливаться съ нимъ, не должно прилѣпляться къ складкамъ царской мантіи, а стоять *въ противуположеніи Царю,* передъ судомъ его, вѣчно бодрствующимъ, всегда свободнымъ и самодержавнымъ.

IV.

Если самодержавный Государь не есть только вершина бюрократическаго механизма, но есть Лицо, стоящее сверхъ закона, верховный, дѣйствительный судья, законодатель и правитель государства, онъ долженъ въ тѣхъ функціяхъ своихъ, которыя не относятся непосредственно до государственнаго управленія, имѣть подъ собою не бюрократическій механизмъ, изъ него исходящій и его какъ-бы собою продолжающій, но рядъ *живыхъ* общественныхъ *самоуправляющихся земскихъ организмовъ,* количество коихъ должно въ точности соотвѣтствовать реальной возможности личнаго и живаго общенія и управленія, живой власти и живаго суда.

Становясь на почву строгаго выдѣленія дѣла Государева отъ дѣла земскаго, невозможно себѣ представить иной схемы управленія такою колоссальною страною, какъ Россія, кромѣ слѣдующей:

Непосредственно подъ Государемъ рядъ крупныхъ территоріальныхъ земскихъ единицъ, самоуправляющихся въ предѣлахъ и на основаніи даннаго Монархомъ закона. Въ каждой

изъ этихъ единицъ власть раздѣляется между представителемъ Монарха, задача коего есть охраненіе закона отъ малѣйшаго нарушенія, и представителями самоуправленія, коимъ принадлежитъ *совершенно самостоятельное веденіе всѣхъ дѣлъ области* въ предѣлахъ даннаго закона. До Государя должны доходить лишь тѣ дѣла области, гдѣ 1) является противорѣчіе между представителями центральной власти и самоуправленія, 2) опредѣляется потребность въ измѣненіи существующихъ общегосударственныхъ законовъ, 3) оказывается необходимымъ сверхзаконное вмѣшательство Монарха въ видѣ оказанія милости, 4) открывается споръ между двумя или многими областями и 5) возбуждено непосредственное вниманіе Монарха тѣмъ или инымъ путемъ.

Все остальное теченіе мѣстныхъ дѣлъ совершается въ рамкахъ полнаго земскаго самоуправленія, которое, если идетъ удовлетворительно, не возбуждая никакихъ споровъ и пререканій, кладетъ къ подножію Престола лишь результаты своей годичной работы въ видѣ отчета мѣстнаго земства, утвержденнаго и скрѣпленнаго представителемъ Государя. Время, которое Монархъ можетъ удѣлять каждой области, до такой степени ограничено, что съ практической точки зрѣнія слѣдуетъ не того бояться, что самоуправленіе пріобрѣтетъ излишнюю самостоятельность, а того, чтобы областныя дѣла не слишкомъ часто доходили до Государя, не слишкомъ отвлекали его отъ его прямаго общегосударственнаго дѣла. Если на дѣла внутренняго управленія можетъ быть отдѣлено, максимумъ, 200 часовъ Государева времени, и если мы предположимъ, что число самоуправляющихся областей 18 (какъ увидимъ ниже), то окажется, что каждая изъ нихъ въ теченіе года не можетъ располагать болѣе, чѣмъ 10 часами самодержавнаго вниманія и воли. Въ эти десять часовъ Монархъ долженъ вполнѣ ознакомиться съ восходящими до него спорными дѣлами и дать по нимъ свое рѣшеніе, изучить отчетъ области и картину ея законныхъ нуждъ, выслушать докладъ начальства области, представителей самоуправленія и т. д. и выразить свою волю въ дѣлахъ милости и исправленія несовершенствъ закона. Отсюда легко видѣть, какая

грозитъ опасность для самодержавія вслѣдствіе малѣйшаго ненужнаго усложненія въ механизмѣ самоуправленія. Поэтому всѣ дѣла мѣстнаго управленія, мѣстнаго хозяйства, суда и даже законодательства, должны *рѣшаться на мѣстѣ* и выходить изъ предѣловъ области лишь тогда, когда либо мѣстное земское представительство выразитъ поползновеніе переступить за установленныя закономъ рамки, либо когда неудачно назначенный намѣстникъ — представитель Государя, своими произвольными дѣйствіями, или неправильнымъ толкованіемъ закона, или Царской воли, вступитъ въ конфликтъ съ земскимъ представительствомъ. Тогда Царь, по разсмотрѣніи дѣла Сенатомъ, даетъ свой судъ въ этомъ спорѣ, становясь на ту или иную сторону, т. е. или отзывая своего намѣстника, если невозможно примиреніе, или распуская земское представительство и предписывая новые выборы.

V.

Я съ чистой совѣстью готовъ встрѣтить и заранѣе предвижу упрекъ въ желаніи расчленить Россію, устроить какую-то федерацію областей и т. д. Я не боюсь этого упрека, ибо моя исходная точка и моя цѣль совершенно ясны: дать практическое осуществленіе священному принципу Царскаго самодержавія въ Россіи, создать для него обстановку наиболѣе нормальную. Это не теорія, не погоня за утопіями, это реальное требованіе жизни. Если неложно и нелицемѣрно вѣровать въ самодержавіе и желать его осуществленія во всей его полнотѣ и силѣ, другаго выхода нѣтъ. Между псевдо-самодержавіемъ, опирающимся на бюрократію, и самодержавіемъ истиннымъ, имѣющимъ въ основѣ мѣстное самоуправленіе, ни выбора, ни средины нѣтъ. Дѣленіе Россіи на крупныя области допущено нами не произвольно. Если удержаться на нынѣшнемъ дѣленіи на губерніи, цѣль ни малѣйшимъ образомъ достигнута не будетъ, ибо Государь по прежнему будетъ физически не въ силахъ обращаться непосредственно съ 80—90 единицами и необходимо потребуется ихъ централизація. Наконецъ, устройство губернское, весьма

неудобное для управленія и бюрократическаго, еще менѣе пригодно для самоуправленія. Пять-шесть губерній, однородныхъ по своимъ условіямъ, будутъ безполезно повторять каждая у себя то, что съ большимъ удобствомъ можетъ быть выработано всѣми ими вмѣстѣ въ естественномъ для нихъ областномъ центрѣ. Губернія слишкомъ мала и слишкомъ бѣдна для широкаго самоуправленія, съ мѣстнымъ законодательствомъ, мѣстнымъ судомъ и широкимъ развѣтвленнымъ мѣстнымъ хозяйствомъ.

Да и какія могутъ быть препятствія къ сліянію губерній въ естественныя области, однородныя по племенному составу ихъ жителей, по главному роду промышленныхъ занятій, по характеру населенія и по географическимъ условіямъ? Опасность сепаратизма? Опасность распаденія Россіи? Но неужели-же Россія слагалась въ государство для того, чтобы распасться? Неужели держится она внѣшнимъ закономъ, а не внутреннею своею связью? Да, наконецъ, предлагаемымъ устройствомъ ослабляется-ли и самая внѣшняя связь?

Этотъ вопросъ необходимо разсмотрѣть. Онъ имѣетъ иную форму для областей чисто русскихъ и иную для областей инородческихъ. Но прежде, чѣмъ о немъ говорить, я считаю нужнымъ привести это дѣленіе на области, какъ оно мнѣ представляется, отнюдь не настаивая на географическихъ подробностяхъ и разсматривая его только какъ схему, подлежащую на практикѣ всякимъ измѣненіямъ.

По моему, естественное областное дѣленіе Россіи будетъ слѣдующее:

А. Коренныя русскія области.

1. *Сѣверная* (съ главнымъ городомъ Петербургомъ) изъ губерній: С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой и частей Вологодской и Архангельской.

2. *Сѣверо-Восточная* (съ главнымъ городомъ Казанью) изъ остальныхъ частей губерній Вологодской и Архангельской и губерній: Вятской, Пермской, Уфимской и Казанской.

3. *Московско-Нижегородская* (съ главнымъ городомъ Москвою) изъ губерній: Смоленской, Тверской, Ярославской,

Костромской, Калужской, Московской, Нижегородской и промышленной части Рязанской.

4. *Юго-Западная* (съ главнымъ городомъ Кіевомъ) или *Малороссія,* изъ губерній: части Люблинской (Холмщина), Волынской, Подольской, Кіевской, Полтавской и части Черниговской.

5. *Средне-черноземная* (съ главнымъ городомъ Воронежемъ) изъ земледѣльческой части губерніи Рязанской и губерній: Орловской, Тульской, Курской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Саратовской и части Области Войска Донскаго.

6. *Заволжская* (съ главнымъ городомъ Оренбургомъ) изъ губерній: Самарской, Оренбургской, части Астраханской, Уральской и Тургайской областей.

7. *Новороссійская* (съ главнымъ городомъ Одессою) изъ губерній: Бессарабской, Херсонской, части Екатеринославской и Таврической.

8. *Казачья* область (съ главнымъ городомъ Ростовомъ на Дону) изъ части губерніи Екатеринославской, части Области Войска Донскаго, части губерніи Астраханской (до Волги), губерній Ставропольской и Черноморской и областей Кубанской и Терской.

9. *Степная* область (съ главнымъ городомъ Омскомъ) изъ областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской.

10. *Западная Сибирь* (съ главнымъ городомъ Томскомъ) изъ губерній: Тобольской и Томской.

11. *Средняя Сибирь* (съ главнымъ городомъ Иркутскомъ) изъ губерній: Енисейской, Иркутской и Забайкальской области.

12. *Восточная Сибирь* (съ главнымъ городомъ Владивостокомъ) изъ губерніи Якутской и областей Амурской и Приморской.

Б. Инородческія области.

13. *Финляндія* (съ главнымъ городомъ Гельсингфорсомъ) въ ея нынѣшнихъ границахъ.

14. *Польша* (съ главнымъ городомъ Варшавою) изъ 10 нынѣшнихъ губерній Царства Польскаго, безъ части Люб-

линской губерніи и съ частями губерній Гродненской, Виленской и Ковенской.

15. *Литовско-Бѣлорусская* (съ главнымъ городомъ Вильною) изъ частей губерній Виленской, Ковенской, Гродненской и Курляндской и губерній Витебской, Минской, Могилевской и Черниговской.

16. *Прибалтійская* (съ главнымъ городомъ Ригою) изъ губерній Лифляндской, Эстляндской и части Курляндской.

17. *Средне-Азіатская* (съ главнымъ городомъ Ташкентомъ) изъ областей Закаспійской, Сыръ-Дарьянской, Самаркандской и Ферганской, Туркестанскаго генералъ-губернаторства и ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго.

18. *Кавказъ* (съ главнымъ городомъ Тифлисомъ) изъ губерній Бакинской, Дагестанской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской и Эриванской и Карской области.

Итого восемнадцать областей, двѣ трети коихъ не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній относительно своего русскаго характера и врядъ-ли могутъ возбудить въ комъ-нибудь мысль и возможности нарушенія государственнаго единства. Остальная треть, шесть областей инородческихъ, совершенно различныхъ, какъ по своему этнографическому складу, такъ и по историческимъ условіямъ ихъ принадлежности къ Имперіи. Относительно ихъ нельзя сказать ничего вообще, можно говорить лишь о каждой въ отдѣльности. Но прежде всего обратимся къ русскимъ областямъ.

VI.

Вообразимъ себѣ слѣдующее устройство каждой изъ нихъ: во главѣ области — генералъ-губернаторъ, непосредственно назначаемый Государемъ. Административное управленіе области принадлежитъ областной думѣ, члены коей назначаются генералъ-губернаторомъ изъ состава земскаго областнаго собранія, и распредѣляютъ между собою отрасли управленія, будучи непосредственно отвѣтственны, какъ передъ генералъ-губернаторомъ, такъ и передъ земскимъ собраніемъ. Функціи нынѣшнихъ губернскихъ земствъ раздѣляются между зем-

ствами уѣздными и областнымъ. Областному собранію подчинено и городское самоуправленіе. Собраніе это составляется изъ гласныхъ отъ уѣздовъ и городовъ и собирается на очередную сессію ежегодно, а на экстренныя созывается генералъ-губернаторомъ, думою или лицомъ, особо уполномоченнымъ отъ Верховной Власти. Предсѣдательство въ собраніи принадлежитъ областному предводителю дворянства, утверждаемому Государемъ и имѣющему у него личный и непосредственный докладъ наравнѣ съ генералъ-губернаторомъ и въ присутствіи его и предсѣдателя земской областной думы.

Собранію принадлежитъ власть издавать въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ законодательствомъ, мѣстные законы и обязательныя постановленія, устанавливать налоги и сборы, съ утвержденія генералъ-губернатора, распоряжаться самостоятельно хозяйственными дѣлами области и избирать спеціальныхъ делегатовъ въ общеимперскія совѣщательныя учрежденія, а также въ особыя совѣщанія по различнымъ вопросамъ по вызову Верховной Власти.

Собранію принадлежитъ право челобитныхъ на имя Государя при обязательномъ для сего большинствѣ $^2/_3$ голосовъ. Начальники уѣздовъ могутъ быть назначаемы членомъ областной думы, завѣдующимъ внутренними дѣлами области.

Собраніе вѣдаетъ всѣми областными имуществами (бывшими государственными) и получаетъ въ свое распоряженіе всѣ прямые налоги, а также право взимать добавочный налогъ при косвенныхъ налогахъ и акцизахъ, остающихся за государствомъ. Областные финансы строго выдѣляются отъ государственныхъ, но сохраняется единство кассы; государственные доходы взыскиваются финансовыми областными органами и поступаютъ въ распоряженіе центральной власти за ручательствомъ областнаго управленія.

Для наблюденія за финансовымъ хозяйствомъ области и поступленіемъ общегосударственныхъ доходовъ въ области состоитъ контролеръ, назначаемый центральнымъ правительствомъ; ему подчинены государственные-же контролеры по уѣздамъ. Каждый изъ нихъ представляетъ свой отчетъ

ревизіонной комиссіи мѣстнаго земскаго собранія и съ его заключеніемъ препровождаетъ къ контролеру области, который представляетъ общій отчетъ областному собранію и съ заключеніемъ послѣдняго Государственному Контролеру. Провѣркѣ подлежатъ всѣ безусловно казначейскія операціи мѣстныхъ финансовыхъ учрежденій съ правомъ для областнаго контролера, въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій возбуждать на общемъ основаніи судебное преслѣдованіе виновныхъ.

Финансовое хозяйство области можетъ быть поставлено двояко. Или ея областному самостоятельному банку можетъ быть предоставлена эмиссіонная операція и все единство областей будетъ заключаться въ общей монетной системѣ и общемъ хозяйствѣ международномъ, или банкъ области будетъ являться лишь отдѣленіемъ центральнаго банка (Областною Казною по схемѣ, данной въ книгѣ „Бумажный рубль“). Я лично склоняюсь къ послѣднему виду, ибо при немъ дѣло будетъ стоять во всякомъ случаѣ проще и будутъ избѣгнуты всякіе риски, необходимо сопутствующіе практикѣ провинціальныхъ самостоятельно-эмиссіонныхъ банковъ.

Судъ въ области никакихъ особенно жгучихъ вопросовъ не представляетъ. Здѣсь одинаково допустима какъ полная централизація, лишь-бы принимались во вниманіе и уважались мѣстныя особенности, такъ и весьма большая децентрализація до областнаго кассаціоннаго суда включительно. Гораздо важнѣе устраненіе судебной волокиты и выработка хорошаго гражданскаго и уголовнаго общеимперскаго кодекса.

О военныхъ силахъ расположенныхъ въ области говорить много не приходится. Желательно, чтобы область совпадала съ военнымъ округомъ и чтобы управленіе расположенными въ области войсками, будучи вѣтвью исключительно общеимперскаго военнаго вѣдомства, ни въ какой степени не касалось гражданскаго управленія областью и не сосредоточивалось въ однихъ рукахъ съ гражданскимъ ея управленіемъ. Затѣмъ остальныя отношенія могутъ быть удержаны настоящія (воинская повинность, расквартированіе и пр.). Въ виду неравномѣрнаго по областямъ распредѣленія военныхъ силъ

Имперіи, желательно самымъ тщательнымъ образомъ исчислить и распредѣлить не только военные расходы между жителями Имперіи, но и тотъ доходъ для нѣкоторыхъ областей, который даетъ имъ сосредоточеніе въ нихъ большей массы войскъ.

VII.

Вторая степень областнаго самоуправленія есть уѣздъ. Нынѣшнее губернское дѣленіе едва-ли заслуживаетъ удержанія вслѣдствіе неопредѣленности его функцій и уже указанной выше однородности его дѣлъ въ губерніяхъ одной и той-же области. Кромѣ того, наибольшее число уѣздовъ въ самой населенной изъ областей, Московской центральной, или Черноземной, далеко не такъ велико, чтобы затруднить непосредственныя сношенія между уѣздомъ и областью.

Наконецъ, третья степень самоуправленія есть приходъ, о которомъ распространяться здѣсь не мѣсто, ибо этотъ предметъ подлежитъ болѣе или менѣе свободному обсужденію въ русской печати.

VIII.

При такой областной организаціи, въ какомъ-же видѣ будетъ центральное государственное управленіе?

На верху и въ центрѣ всей системы Государь, въ своемъ Лицѣ олицетворяющій всю Россію, безусловно самодержавный, неограниченный ничьимъ и никакимъ вмѣшательствомъ, не связанный никакими обязательствами, кромѣ произносимаго имъ при вступленіи на престолъ обѣта: чтить законы Имперіи, повиноваться законамъ Церкви и не умалять ни въ какомъ случаѣ прерогативъ и правъ своей царской самодержавной власти.

Въ его рукахъ государственный аппаратъ, складывающійся изъ слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

1. *Церковный.* Священный Синодъ при патріархѣ всея Россіи. Охрана полнаго и неприкосновеннаго ни для кого дѣйствія церковныхъ законовъ и правилъ. Охрана и защита

правъ Церкви и свободы совѣсти подданныхъ. Созывъ помѣстныхъ соборовъ.

2. *Законодательный.* Государственный Совѣтъ, гласно засѣдающій, дополняемый представителями областей. Учрежденіе это выражаетъ свои *мнѣнія*, для Самодержца *отнюдь не обязательныя* и вырабатываетъ общеимперскіе законопроекты, утверждаемые или отвергаемые Государемъ. Помимо Государственнаго Совѣта, ни одинъ министръ не долженъ испрашивать Высочайшихъ повелѣній.

3. *Административный.* Сенатъ, вѣдающій наблюденіемъ надъ всесторонним исполненіемъ закона. Сенатъ объявляетъ даруемые Монархомъ законы, пресѣкаетъ злоупотребленія, судитъ министровъ и генералъ-губернаторовъ. Сенаторовъ посылаетъ Государь на ревизію областей, облекая ихъ правомъ полной пріостановки самоуправленія до водворенія порядка и правомъ преданія суду нерадивыхъ и хищниковъ.

4. *Судебный.* Верховный имперскій Кассаціонный Судъ и судъ междуобластной.

5. *Народохозяйственный.* Выдѣленный изъ состава Государственнаго Совѣта параллельный ему Народохозяйственный Совѣтъ, работающій на тѣхъ-же основаніяхъ и съ такими-же представителями областей. Сказанное относительно Высочайшихъ повелѣній относится по соотвѣтственнымъ дѣламъ и сюда.

Я не вдаюсь въ подробности устройства центральныхъ хозяйственныхъ органовъ государства, каковыми будутъ: Большая казна (Государственный Банкъ), Державная казна (Министерство Финансовъ), Счетная Палата (Контроль), вѣдомства Государственной Полиціи, Земледѣлія, Желѣзныхъ Дорогъ, Промышленности и Торговли, Наукъ и Искусствъ, Почтъ и Телеграфовъ, Военное, Морское, Иностранныхъ Дѣлъ и т. д. Ихъ дѣятельность должна имѣть различныя формы въ зависимости отъ ея предметовъ. Тамъ, гдѣ все веденіе дѣла оставлено за государствомъ, вѣдомства будутъ вполнѣ самостоятельны, по такимъ-же дѣламъ, которыя перешли къ областямъ (земледѣліе, промышленность и торговля, науки и искусства), вѣдомства будутъ лишь органами госу-

дарственной статистики, пунктомъ объединенія соотвѣтственной дѣятельности областей и выработки общегосударственныхъ мѣръ въ помощь областнымъ органамъ. Эта работа должна идти при помощи спеціальныхъ съѣздовъ и совѣтовъ изъ делегатовъ отъ областей.

IX.

Области инородческія, или съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ должны быть разсмотрѣны каждая особо.

На первомъ планѣ должна быть поставлена *Финляндія*, сохраняющая особыя политическія права. Эти права должны быть, не нарушая нынѣшнихъ основныхъ законовъ края, пересмотрѣны, какъ въ гражданскомъ, такъ и экономическомъ отношеніи съ той точки зрѣнія, чтобы 1) подданный Имперіи ни въ какомъ случаѣ не былъ ниже въ своихъ правахъ на территоріи княжества, и обратно; 2) чтобы ни Финляндія, ни Имперія не пользовались никакими несправедливыми экономическими преимуществами одна передъ другой; 3) чтобы общегосударственныя тяготы были распредѣлены равномѣрно (расходы на внѣшнюю оборону и дѣла международныя). Особая финская армія не имѣетъ никакого raison d'être и ея управленіе должно быть централизовано.

Въ остальномъ нѣтъ никакой надобности хлопотать о болѣе тѣсномъ сближеніи съ Финнами. Всякіе успѣхи руссификаціи тамъ крайне опасны, несправедливо открывая Россію для эксплуатаціи болѣе сильнымъ культурно Финнамъ. Не объ объединеніи нужно хлопотать, а наоборотъ о *возможной изоляціи Россіи* путемъ отдѣльныхъ: монеты, таможенъ, мѣръ и вѣсовъ, языка, календаря, учрежденій и т. п. Намъ въ Финляндіи искать нечего, все требованіе отъ нея Россіи, — это военная безопасность столицы, и въ этомъ смыслѣ, чѣмъ изолированнѣе, чѣмъ самостоятельнѣе и чѣмъ свободнѣе, счастливѣе и богаче будетъ Финляндія, тѣмъ вѣрнѣе будетъ ея политическая служба Россіи, отождествляющаяся съ защитой собственнаго отечества. Избави Богъ, создавать изъ Финновъ искусственныхъ Русскихъ, отдавая имъ Россію

на эксплуатацію! Всякіе разговоры о финскомъ сепаратизмѣ поистинѣ нелѣпы, разъ Финны получатъ увѣренность, что ихъ національному существованію ничто не грозитъ. Наоборотъ, объединительныя стремленія нашихъ псевдо-патріотовъ могутъ вызвать самыя опасныя усложненія и создать намъ вторую Польшу. Да для этихъ стремленій прошло время. Финны выросли въ смыслѣ національнаго единства и представляютъ народъ, полный патріотизма, необыкновенно дружный и сплоченный. Своей культурной и экономической самостоятельности Финны намъ не уступятъ, а въ открытой борьбѣ нравственное право будетъ на ихъ сторонѣ, пусть даже ихъ привилегіи и созданы путемъ разныхъ мелкихъ послабленій, вырванныхъ у русской Верховной Власти. Они обезпечили себѣ независимый отъ Имперіи политическій строй и назадъ его не отдадутъ, да это намъ и не нужно.

Строй этотъ, ничуть не мѣшая государственному единству, ни тѣсному, дружескому и сосѣдскому общенію, наоборотъ дорогъ, *какъ прообразъ будущаго Славянскаго союза.* На тѣхъ-же основаніяхъ, что нынѣшняя Финляндія, русскую государственную власть охотно примутъ австрійскіе народы, когда наступитъ моментъ распаденія Австріи. Въ общій союзъ на тѣхъ-же основаніяхъ охотно вступятъ и Славяне независимые, а также Румынія и Греція. Нарушеніе же, особенно насильственное, финской самостоятельности можетъ надолго задержать естественное рѣшеніе Славянскаго вопроса.

X.

Польша въ этнографическихъ предѣлахъ польскаго народа не представляетъ никакихъ затрудненій. Съ русской точки зрѣнія намъ необходимо позаботиться прежде всего о спасеніи себя отъ польской эксплуатаціи путемъ *возможнаго изолированія Польши отъ Россіи.*

Вся культурная сила польскаго племени должна быть направлена на западъ, на борьбу съ Германствомъ, съ цѣлью возвращенія Полякамъ утраченныхъ земель. Между Польшею и Россіей должна быть возстановлена таможенная черта, точ-

нѣе, имперская черта перенесена по сю сторону Царства Польскаго съ прирѣзкою къ нему польскихъ и отчасти литовскихъ уѣздовъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніи*) и выдѣленіемъ Холмщины.

Внутри Польши должна быть столь-же полная автономія, какъ и въ Финляндіи, но, конечно, безъ конституціонныхъ ограниченій и безъ особой арміи. Польскія дѣла внутренняго управленія и законодательства не должны отнюдь смѣшиваться съ имперскими. Долженъ быть возстановленъ Польскій Сенатъ, самостоятельное управленіе и совѣщательный Государственный Совѣтъ. Сеймы должны собираться на правахъ областныхъ и уѣздныхъ собраній. Должны быть урегулированы экономическія отношенія Имперіи къ Царству, выдѣленъ государственный долгъ и правильно распредѣлены расходы на военную общеимперскую оборону съ принятіемъ во вниманіе, какъ и въ Финляндіи, той доли дохода, которая достается краю вслѣдствіе усиленнаго сосредоточенія въ немъ русскихъ войскъ.

Разумѣется, польскому языку должно быть возвращено его мѣсто въ управленіи, судѣ и школѣ и прекращены всякія заботы о руссификаціи Поляковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ ослабленію польской эмиграціи въ Россію.

Что касается религіознаго вопроса, то, ничуть не стѣсняя римское католичество, необходимо *порвать всякія связи съ папою* и перестать дѣйствовать посредствомъ Ватикана, уничтоживъ всякіе конкордаты и лишивъ латинство значенія господствующаго вѣроисповѣданія. Старокатоличество должно

*) Этимъ имѣется въ виду подвинуть польскую этнографическую границу въ глубь Имперіи, ради усиленія польскаго элемента и расширенія его территоріи на счетъ Литовцевъ (Жмуди) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) для Россіи нѣтъ никакой надобности обезсиливать Польшу, которая есть ея защита отъ культурнаго германскаго напора. 2) Литовцы имѣютъ добровольное тяготѣніе къ Польшѣ. 3) Обрусѣніе Литвы съ цѣлью созданія тамъ «искусственныхъ Русскихъ» намъ безусловно не нужно. 4) Выдѣленіемъ уѣздовъ съ преобладающимъ польско-литовскимъ и католическимъ населеніемъ чрезвычайно усиливаются русскіе культурные элементы въ сосѣдней области Литовско-Бѣлорусской. 5) Въ этомъ краѣ Польша имѣетъ неизмѣримо большую силу ассимиляціи, чѣмъ Россія, и намъ гораздо лучше сообразоваться съ этимъ обстоятельствомъ и пользоваться имъ, чѣмъ даромъ тратить свои силы.

быть признано и гарантировано въ своей свободѣ, наряду съ православіемъ и иными вѣроисповѣданіями.

Вслѣдъ за перемѣщеніемъ таможенной линіи, русскіе чиновники изъ Царства должны быть отозваны и собранъ областной сеймъ, который и долженъ выработать для Польши основы ея будущаго внутренняго устройства, какъ указано ниже. Этотъ проектъ долженъ быть разсмотрѣнъ имперскимъ Государственнымъ Совѣтомъ съ точки зрѣнія его согласованія съ интересами Россіи и утвержденъ Государемъ въ качествѣ органическаго устава.

XI.

Относительно *Сѣверо-Западнаго края* необходимо усвоить ту точку зрѣнія, что хотя край этотъ и русскій, но что Бѣлорусское племя, его населяющее, составляетъ по языку и нравамъ, нѣчто среднее между коренными Русскими и Поляками. Въ то время, какъ Малороссъ необходимо тяготѣетъ къ Россіи и культурная его сила уходитъ въ великорусское море (Гоголь), Бѣлоруссъ однаково легко обращается и въ Русскаго, и въ Поляка, тяготѣя культурно болѣе къ послѣднему (Мицкевичъ, Сырокомля, Оржешко, множество польскихъ поэтовъ и писателей изъ Бѣлой Руси и Литвы). Это создаетъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи культурную борьбу, въ Юго-западномъ краѣ фактически уже законченную въ пользу русскаго элемента. Затѣмъ необходимо помнить, что въ польско-русской культурной борьбѣ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, у центральной государственной власти нѣтъ никакой возможности ни помочь, ни помѣшать которой-либо изъ сторонъ. Всякое внѣшнее угнетеніе польскаго элемента, глубоко несправедливое и противное русскому чувству само по себѣ, кромѣ того, какъ уже доказано опытомъ, приводитъ къ прямо противуположнымъ результатамъ, усиливая гонимый элементъ и нравственно обезсиливая покровительствуемый. Русское дѣло до тѣхъ поръ собственно и цвѣло въ Литвѣ, пока русскій элементъ былъ предоставленъ самому себѣ, или угнетался, т. е. находился въ нынѣшнемъ положеніи Поляковъ.

Ополяченіе Литвы и Бѣлоруссіи пошло особенно сильно не до раздѣловъ Польши, а послѣ нихъ.

При земской автономіи Литвы и Бѣлой Руси, русская культура и языкъ имѣютъ всѣ шансы *естественно* взять верхъ и совершенно упразднить польскій элементъ, особенно, если будетъ проведена между Польшею и этой областью таможенная черта, чѣмъ Литва отрѣжется экономически отъ польскихъ промышленныхъ центровъ и войдетъ въ раіонъ центровъ великорусскихъ. При русскомъ языкѣ въ школѣ, администраціи, судѣ и самоуправленіи, при порядкахъ и законахъ одинаковыхъ съ имперскими, для польской культуры *фактически не будетъ мѣста* и она естественно ослабнетъ, особенно если будетъ поведена борьба не противъ польскаго элемента, какъ такового, а противъ римской Церкви и духовенства. Католическое исповѣданіе должно, разумѣется, быть свободно, какъ и во всей Имперіи, но латинское духовенство не должно быть ни организовано, ни снабжено государственною властію. Для правительства всякій иновѣрный клиръ повсюду, кромѣ Финляндіи и Польши, долженъ представлять *частныхъ людей,* духовное достоинство коихъ признается только сторонниками того или другаго вѣроученія. Всѣ акты гражданскаго состоянія иновѣрцевъ должны регистрироваться нотаріальными, или полицейскими учрежденіями, какъ это принято для нашихъ раскольниковъ и сектантовъ. Разумѣется, должна быть сохранена полная свобода богослуженія и отмѣнены всѣ ограничительныя мѣры для иновѣрцевъ, отнято лишь право пропаганды и государственная поддержка.

Тогда само собою католичество начнетъ падать, особенно при усиленіи старокатоличества, и мало по малу исчезнетъ вовсе.

Гораздо серьезнѣе для Литвы и Бѣлоруссіи вопросъ еврейскій, который необходимо урегулировать, а также вопросъ объ иностранной колонизаціи, которая здѣсь должна быть безусловно воспрещена, даже въ смыслѣ временнаго пребыванія болѣе извѣстнаго срока.

Въ высшей степени желательно при организаціи самоуправленія, спеціально въ этой области, дать преобладаніе

крестьянскому элементу передъ элементами городскимъ и частно-владѣльческимъ. Это будетъ вѣрнѣйшее средство поднять русскій элементъ.

Но если-бы тяготѣніе Бѣлоруссіи и Литвы къ Польшѣ оказалось настолько сильнымъ, что польскіе языкъ и культура стали-бы одолѣвать русскіе, съ этимъ явленіемъ необходимо примириться. Ждать этого трудно, вѣрнѣе, что Литовско-Бѣлорусская область будетъ *двужкультурною,* т. е. польско-русскою, на подобіе того, какъ Финляндія представляетъ культуру двойную, шведо-финскую. Возставать противъ этого искусственнымъ путемъ, особенно-же насиліемъ, и несправедливо и неосмысленно. Нынѣшняя польская часть населенія не виновата-же въ томъ, что нѣсколько вѣковъ Литва и Бѣлая Русь были въ государственномъ союзѣ съ Польшею, оставившемъ такой глубокій слѣдъ. Пусть эта культурная борьба мирно ведется въ области, не мѣшая жить и работать, какъ исконному русскому, такъ и ставшему уже кореннымъ тамъ польскому населенію. Наконецъ съ болѣе широкой, *славянской* точки зрѣнія, и самаго этого вопроса о культурной борьбѣ между Славянами, по справедливости, не должно-бы существовать вовсе.

XII.

Совершенно иную картину представляетъ *Прибалтійскій край.* Здѣсь, во что-бы ни стало, должны быть уничтожены архаическія привилегіи нѣмецкаго рыцарства и бюргерства и поднятъ мѣстный Эстонско-Латышскій элементъ. Какъ ни вѣрны Престолу и общему отечеству г. г. Балтійскіе Нѣмцы, но пока край носитъ нѣмецкій характеръ и самоуправленіе въ рукахъ Нѣмцевъ, Прибалтійскія губерніи будутъ всегда изображать, хоть въ заднихъ мысляхъ нѣмецкихъ патріотовъ по ту сторону границы, своего рода Germania irredenta, сами же г. г. Балты будутъ попрежнему вносить антирусское исторически разлагающее начало въ нашу славянскую государственность.

Элементамъ эстонскому и латышскому необходимо дать полную свободу въ борьбѣ съ германизмомъ. Бояться ихъ сепаратизма нѣтъ никакихъ основаній. Слишкомъ малочисленны эти народности и слишкомъ бѣдны культурно. Все выходящее изъ непосредственной сельской ихъ жизни, должно неминуемо русѣть, или нѣмечиться. Важно, чтобы совершалось первое и не могло совершаться послѣднее. Для этого въ цѣляхъ общегосударственныхъ долженъ быть выкуренъ самый нѣмецкій духъ изъ этой области, хотя-бы и рѣшительными мѣрами. Дворянство должно быть организовано по общеимперскому образцу и принимать участіе въ самоуправленіи только при условіи окончанія русской школы и совершеннаго знанія русскаго языка. На русскомъ языкѣ должно идти все, кромѣ крестьянскихъ судовъ и преподаванія въ начальныхъ школахъ, гдѣ равноправностью должны пользоваться языки мѣстные, эстонскій и латышскій. Участвовать въ городскомъ и земскомъ, уѣздномъ и областномъ, самоуправленіи должны также лишь лица, знающія вполнѣ русскій языкъ, на которомъ и должны вестись пренія и письмоводство.

XIII.

Средняя Азія съ ханствами Хивинскимъ и Бухарскимъ нуждается въ нѣсколько иномъ областномъ устройствѣ, чѣмъ другія инородческія области Россіи. Здѣсь русскій элементъ, какъ элементъ культурный и государственный, среди полудикихъ Азіатовъ, долженъ имѣть явное и полное преобладаніе. Поэтому областное земское собраніе должно быть составлено такъ, чтобы Русскимъ было обезпечено большинство по крайней мѣрѣ двухъ третей всего числа представителей, и самое собраніе должно быть только совѣщательнымъ при военномъ начальникѣ области, хотя также должно сохранить за собою право челобитныхъ и выработку мѣстныхъ законовъ, которые генералъ-губернаторомъ должны быть представляемы въ Государственный, или Народохозяйственный Совѣтъ Имперіи по принадлежности. Въ составъ этого совѣта должны

при обсужденіи среднеазіатскихъ дѣлъ входить и представители хановъ Хивинскаго и Бухарскаго; положеніе послѣднихъ можетъ быть при необходимости регулировано въ свое время на областномъ собраніи и въ томъ или иномъ видѣ утверждено Верховною Властью.

XIV.

Наконецъ *Кавказъ*. Разнообразныя племена, его населяющія, могутъ быть подраздѣлены на два типа: старокультурныя, какъ Грузины и Армяне, и малокультурныя, какъ Персы, Татары и иные Азіаты. Такъ какъ ни одно изъ указанныхъ племенъ не является повсемѣстно преобладающимъ, то связующимъ между ними цементомъ можетъ явиться только элементъ русскій, которому самой исторіей обезпечено здѣсь господство и культурное преобладаніе. Поэтому нѣтъ никакой надобности какъ-либо искуственно стѣснять мѣстныя народности; важно лишь, чтобы борьба между ними шла совершенно равноправная и русскій элементъ всегда оставался культивирующимъ и руководящимъ.

При государственномъ русскомъ языкѣ въ средней школѣ, судѣ, администраціи и самоуправленіи нѣтъ никакого основанія опасаться, чтобы мѣстныя народности чрезмѣрно усилились въ ущербъ одна другой. Важно лишь, чтобы въ областномъ самоуправленіи русскій элементъ былъ въ большинствѣ, что и необходимо обезпечить путемъ надлежащей постановки выборовъ. Русскимъ въ каждомъ уѣздѣ должна принадлежать половина представительства, остальная раздѣлена между наличными народностями пропорціонально ихъ численности въ данномъ уѣздѣ; въ областномъ собраніи Русскихъ должно быть также не менѣе двухъ третей.

XV.

Можно думать, что при такомъ устройствѣ областей не можетъ быть и рѣчи о какой нибудь опасности для единства и цѣлости Россіи. Самодержавная власть не́ только не

уступаетъ никому ни одной изъ своихъ прерогативъ, наоборотъ, освождается именно въ смыслѣ надлежащаго примѣненія Самодержцемъ своей неограниченной власти. Въ распоряженіи Государя остается весь необыкновенно могучій, очищенный отъ всѣхъ примѣсей, государственный аппаратъ, болѣе, чѣмъ достаточный для сплоченія огромной русской территоріи. Между тѣмъ, развязывая руки Царю, описываемое здѣсь устройство снимаетъ съ него совершенно неподобающую отвѣтственность за всякій неправильный, или вредный шагъ въ области внутренняго управленія, нынѣ творимаго отъ Его Имени. Теперь всѣ жалуются на Царя, который отнюдь не виновенъ въ безобразіяхъ современнаго строя, тогда будутъ жаловаться Царю и передъ Его лицомъ, не имѣя, куда укрыться и чѣмъ заслониться, станутъ виновные. Государство въ лицѣ Царя, и Земщина въ лицѣ крупныхъ самоуправляющихся областей, пойдутъ рука объ руку и между ними не будетъ никакихъ недоразумѣній. Тогда вся правда будетъ передъ Царемъ и нельзя ее будетъ скрыть ни на одной ступени бюрократической лѣстницы, ибо этихъ ступеней не будетъ. Будетъ и время у Царя, ибо до него дойдетъ только такое дѣло, гдѣ безсиленъ законъ или гдѣ споръ идетъ о крупныхъ интересахъ, достойныхъ вниманія Царева. Коль скоро есть доброе согласіе на почвѣ закона между генералъ-губернаторомъ и областнымъ собраніемъ, коль скоро изъ области не несутся стоны объ угнетеніи, или о сокрытіи правды, о насиліяхъ и хищеніяхъ, Государю не придется о данной области даже думать. Онъ лишь заглянетъ въ отчетъ о *дѣйствительномъ* ея благополучіи, пошлетъ ей свой царскій привѣтъ и благодарность за миръ и любовь въ ней царящіе и за ту свободу, которую даетъ Ему область для Его многотруднаго государственнаго подвига.

А случись что нибудь въ самоуправляющейся области, — Царю довольно послать своего уполномоченнаго разобраться въ спорѣ между царскимъ намѣстникомъ и органами областнаго самоуправленія. Виноватъ генералъ-губернаторъ, переступилъ законъ, оскорбилъ или обидѣлъ земство, его Государь отзоветъ. Правъ намѣстникъ Государя, прегрѣшило земство,

— что стоитъ распустить собраніе, назначить новые выборы и возстановить порядокъ, устранивъ отъ власти и предавъ суду виновниковъ нарушенія закона? А зайдетъ чрезмѣрно далеко духъ ослушанія закону, начнется борьба съ государственною властью — развѣ-же трудно отмѣнить вовсе самоуправленіе въ данной области и временно ввести въ ней военное управленіе, если она того заслужитъ?

Но не безуміе-ли и самое предположеніе возможности сопротивленія, или непокорства закону въ той или другой области? Не клевета-ли это на Россію, переживавшую самыя ужасныя, самыя безсудныя и темныя времена и ни разу на законъ не посягавшую? Мы имѣли возстанія народныхъ массъ разбойническаго характера, имѣли вооруженныя возстанія инородческихъ областей, сохранявшихъ слѣды государственной самостоятельности, но мы не можемъ себѣ и представить возможности не только возстанія, но даже серьезнаго нарушенія порядка, законными самоуправляющимися областями, коль скоро Государь стоитъ внѣ области и ея дѣлъ въ качествѣ верховнаго судьи, рѣшителя ея споровъ и послѣдняго полновластнаго прибѣжища для обиженныхъ.

XVI.

Область собственно государственнаго управленія, сосредоточеннаго въ рукахъ Самодержца, такъ необъятно велика, механизмъ Имперіи, обнимающій этими 18-ю областями $^1/_6$ часть всей суши земнаго шара, такъ громаденъ и сложенъ, что, если оставаться въ предѣлахъ математически поставленныхъ и возможныхъ практически для осуществленія истиннаго самодержавія, то придется и въ собственно государственномъ управленіи серьезно и глубоко подумать надъ облегченіемъ работы и отвѣтственности Монарха. Чтобы средніе силы человѣка могли выдержать такую работу, необходимо, чтобы въ каждой области Государь былъ облегченъ по крайней мѣрѣ увѣренностью, что механизмъ дѣйствуетъ правильно, что довѣріе страны правительству обезпечено, что цѣлесообразность и добрые плоды правленія внѣ всякихъ

сомнѣній. Это достижимо двумя путями: сколь возможно большимъ участіемъ живыхъ силъ областей въ разныхъ отрасляхъ законодательства и управленія и широкой свободой для общественнаго мнѣнія въ смыслѣ указанія недостатковъ и преподанія добрыхъ совѣтовъ.

Участіе областей уже указано выше. Представители земства включены въ составъ Государственнаго и Народохозяйственнаго Совѣтовъ. Они-же должны участвовать въ совѣтахъ отдѣльныхъ отраслей управленія: Финансовомъ, Банковомъ, Желѣзнодорожномъ, Земледѣльческомъ, Научно-Литературномъ и т. д.

Всѣ законопроекты общегосударственнаго характера должны разсылаться на заключеніе областныхъ собраній и разсматриваться съ этими заключеніями. Для отдѣльныхъ вопросовъ и вопросовъ техническихъ должны созываться *съѣзды общегосударственные и изъ нѣсколькихъ областей.* Наконецъ, когда Верховная Власть пожелаетъ непосредственно изъ устъ живыхъ представителей областей узнать мнѣніе страны по какому нибудь вопросу, явится возможность созвать и Земскій Соборъ, имѣющій единственное значеніе — просвѣтить Волю Государя мыслями его подданныхъ, утвердить или поколебать Государя въ его рѣшеніи, поддержать Его и снять съ Него на себя историческую отвѣтственность въ случаѣ сомнѣнія.

Но Земскій Соборъ возможенъ лишь, какъ вѣнецъ *упорядоченной* Россіи, а отнюдь не какъ собраніе, *имѣющее се упорядочить.* Спаси Богъ Россію отъ того страшнаго момента, когда правительство, запутавшееся въ собственныхъ ошибкахъ и потерявшее голову, вздумаетъ обратиться къ Земскому Собору съ вопросомъ „что дѣлать?“ Этотъ Соборъ ничѣмъ инымъ не отвѣтитъ и отвѣтить не можетъ, кромѣ страшныхъ и вполнѣ заслуженныхъ обвиненій преступному предъ русской исторіей петербургскому бюрократическому режиму, и грозой, безсмысленной, стихійной грозой закончится обвиненіе. Это будетъ повтореніе того несчастнаго обращенія въ странѣ, на которое рѣшился Людовикъ XVI. И если нашимъ Монархамъ даже въ самую страшную минуту на-

роднаго безумія и отчаянія едва ли можетъ грозить что-либо подобное, то Россіи грозитъ полная потеря ея великаго государственнаго принципа — самодержавія, безъ всякой впослѣдствіи даже возможности его вновь розыскать. Скомпрометтированныя династіи не возвращаютъ ни своего историческаго величія, ни народной любви.

XVII.

Второй путь для полнаго освѣщенія предъ Государемъ положенія его народа и обезпеченія за государственной властью народнаго довѣрія — есть возможность свободнаго и невозбраннаго выраженія общественнаго мнѣнія, которое въ наши дни сводится къ свободѣ мысли, т. е. свободѣ слова и печати.

Здѣсь нѣтъ мѣста вдаваться въ подробности законодательства о печати; достаточно будетъ лишь указать главныя основанія въ соотвѣтствіи цѣлямъ, которыя необходимо ясно формуловать.

Цѣли эти: гарантировать положительнымъ и незыблемымъ закономъ, исключающій всякій произволъ органовъ управленія:

1. Свободу публичнаго выраженія общественнаго мнѣнія.

2. Возможность успѣшной борьбы съ злоупотребленіями публичнымъ словомъ.

Печать, особенно въ такомъ огромномъ и однородномъ по населенію государствѣ, какъ Россія, является страшною силою и поставленный выше вопросъ кажется едва-ли не самымъ затруднительнымъ. Во всякомъ случаѣ, главныя основанія къ его рѣшенію должны и могутъ быть намѣчены.

Публичное изустное слово нуждается въ ясномъ законѣ о порядкѣ открытія и закрытія ученыхъ и иныхъ обществъ, гдѣ ведутся публичныя пренія. Законъ этотъ долженъ быть, конечно, *общеимперскій основной*, на основаніи котораго всѣ частные вопросы должны рѣшаться на мѣстѣ, въ областяхъ, отнюдь не восходя до центра. Общества должны открываться по нормальному выработанному уставу простою регистраціей, закрываться не иначе, какъ судомъ или постановленіемъ

областнаго земскаго собранія. Право чтенія публичныхъ лекцій должно принадлежать безъ ограниченія: 1. духовенству, 2. учебному персоналу, 3. лицамъ имѣющимъ право редакторства печатныхъ органовъ или по ихъ уполномоченію и за ихъ отвѣтственностью. Съ ограниченіемъ, т. е. съ предоставленіемъ текста чтенія — 4. всѣмъ вообще. Текстъ чтенія въ этомъ случаѣ долженъ быть одобренъ мѣстною уѣздною или городскою школьною администраціей. Отвѣтственность для лектора во всякомъ случаѣ можетъ быть только судебная.

Если лекція должна имѣть характеръ бесѣды, внѣ засѣданій уполномоченнаго на то общества, то такая бесѣда можетъ быть устроена не иначе, какъ подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго мѣстною школьною администраціей и въ присутствіи полицейскаго агента, съ правомъ для послѣдняго немедленно распустить собраніе въ случаѣ безпорядка, или по требованію предсѣдателя.

Что касается печати, то таковая 1. должна быть, въ главной своей части, вовсе освобождена отъ предварительной цензуры и поставлена подъ безусловное дѣйствіе закона съ устраненіемъ малѣйшаго произвола, 2. должна быть обезпечена отъ вторженія всякихъ нечистыхъ или спекулятивныхъ элементовъ, 3. обставлена самыми строгими карами за нарушеніе закона, но исключительно въ порядкѣ судебнаго разбирательства, гласнаго и открытаго.

Цензура должна быть удержана 1. какъ органъ наблюденія и статистики, 2. какъ органъ охраненія нравственной и художественной стороны въ печатномъ словѣ, 3. какъ государственная или областная прокураторія въ дѣлахъ печати.

Правомъ безцензурности должны пользоваться всѣ *неиллюстрированныя* изданія, не предназначенныя для широкаго общенароднаго употребленія, для чего должны быть выработаны и формулованы ихъ признаки (объемъ, цѣна, количество экземпляровъ). Изданія для народа и изданія иллюстрированныя должны быть предварительно разрѣшены цензурою, или одобрены мѣстными литературными и художественными обществами или школьными управленіями.

Популярныя техническія изданія должны быть одобрены мѣстными техническими или учеными обществами, или школьными управленіями общими, или соотвѣтствующей спеціальности. Авторамъ и издателямъ предоставляется право апелляціи къ цензурнымъ органамъ области.

Цѣль здѣсь очевидна: охранить народъ отъ спекуляціи лубочныхъ издателей, которые, въ смыслѣ порчи вкуса, или систематическаго распространенія невѣжественныхъ и нелѣпыхъ техническихъ изданій, не только обираютъ темнаго покупателя, но вводятъ его завѣдомо въ заблужденіе, задерживая и искривляя ходъ русскаго просвѣщенія.

Отпечатанная безцензурная книга должна быть доставлена въ цензуру при соблюденіи нынѣшняго порядка выпуска, но въ случаѣ протеста цензора, дѣло объ освобожденіи или истребленіи изданія должно рѣшаться исключительно гласнымъ судебнымъ разбирательствомъ: въ общемъ судѣ, если книга не затрогиваетъ православнаго вѣроученія и догматовъ, въ духовномъ судѣ въ противномъ случаѣ, но безъ всякаго исключенія, гласно и въ состязательномъ порядкѣ.

Что касается до органовъ печати, то здѣсь важнѣе всего не допустить къ завѣдыванію органомъ нечистыхъ или подозрительныхъ людей. Но затѣмъ разъ уже концессія дана, необходимо оградить редактора отъ чьего-бы то ни было произвола.

Отсюда вытекаетъ рядъ весьма строгихъ требованій отъ лица, желающаго стать отвѣтственнымъ редакторомъ періодическаго изданія. Онъ долженъ представить: 1) удостовѣреніе о своемъ безупречномъ нравственномъ и гражданскомъ прошломъ отъ того общества, сословія, или корпораціи, гдѣ онъ состоитъ; 2) удостовѣреніе о своемъ литературномъ прошломъ въ видѣ своихъ печатныхъ трудовъ; 3) подробное изложеніе своихъ взглядовъ, убѣжденій и политической программы, которая становится впослѣдствіи мѣриломъ для его печатной дѣятельности.

Разрѣшеніе ежедневнаго изданія съ политической программою дается послѣ публичнаго диспута, заранѣе объявленнаго при одномъ изъ университетовъ, съ правомъ обжа-

лованія областному земскому собранію, которое должно рѣшить споръ большинствомъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ.

Всякія злоупотребленія печатнымъ словомъ должны вѣдаться судомъ гражданскимъ или духовнымъ, гласно и въ состязательномъ порядкѣ. Налагаемыя наказанія могутъ состоять изъ карь имущественныхъ, или личныхъ, въ видѣ заключенія, или даже ссылки. Закрытіе органа можетъ послѣдовать лишь по постановленію $^2/_3$ голосовъ областнаго земскаго собранія, утвержденному Сенатомъ Имперіи въ открытомъ засѣданіи.

Караемы должны быть, кромѣ нынѣ формулованныхъ въ законѣ проступковъ, всякія иныя злоупотребленія словомъ, носящія характеръ безчестности, безнравственности или недобросовѣстности: явно недобросовѣстные пріемы полемики, общественный обманъ и соблазнъ, въ какомъ-бы видѣ они ни проявлялись, корыстная защита и проведеніе разныхъ темныхъ дѣлъ и т. п. При гласности суда нѣтъ основанія бояться за участь редактора, идущаго честнымъ путемъ убѣжденія и правды. Но въ наши дни публичнаго разврата и торговли печатнымъ словомъ необходима суровѣйшая узда закона на всю ту нравственную гниль и мерзость, которая овладѣла русскою литературой.

XVIII.

Нѣтъ сомнѣнія, что области, въ которыя сложится Имперія, будутъ слишкомъ разнообразны по своимъ условіямъ даже въ предѣлахъ одного великорусскаго племена. Поэтому не можетъ быть рѣчи о какомъ нибудь шаблонномъ однообразіи въ ихъ внутреннемъ устройствѣ. Каждая область поэтому должна выработать на почвѣ яснаго общегосударственнаго закона всѣ необходимыя мѣстныя подробности. Но этотъ законъ долженъ предвидѣть и очертить и самъ возможное разнообразіе, по крайней мѣрѣ въ его основныхъ чертахъ.

Бытовой укладъ центра Россіи, какъ метрополіи, совсѣмъ иной, чѣмъ укладъ окраинъ, даже русскихъ, и нѣтъ сомнѣ-

нія, что этому центру, строителю и созидателю русскаго царства необходимо придать въ государственномъ отношеніи первенствующую роль.

Это можетъ быть достигнуто двумя путями: усиленіемъ областнаго представительства въ центрѣ для областей Сѣверной, Сѣверо-Восточной, Московско-Нижегородской, Юго-Западной, Среднечерноземной, Новороссійской и надлежащею постановкою дворянскаго вопроса.

Я не думаю разрѣшать здѣсь этотъ вопросъ въ полномъ объемѣ и долженъ ограничиться лишь нѣсколькими общими положеніями.

Задача русскаго дворянства, какъ она выразилась въ исторіи — быть слоемъ *лучшихъ людей,* нести на своихъ плечахъ руководительство страною въ служиломъ смыслѣ и руководить земщиной. Послѣднюю роль русское дворянство исполняло съ величайшею честью въ послѣдній періодъ русской исторіи, выказавъ себя и свободолюбивымъ, и благороднымъ, и сословно-безкорыстнымъ. Это живая сила русскаго народа, воплощеніе его земской и государственной идеи и въ такомъ качествѣ оно должно быть свято сохранено. Государство не можетъ обойтись безъ класса людей, коего нравственная основа и традиція — безкорыстное, лишенное всякаго эгоистическаго оттѣнка служеніе Царю и Землѣ. Удержаніе этой традиціи за особымъ сословіемъ, не сообщая ему никакихъ, кромѣ почетныхъ, правъ настолько-же необходимо, какъ удержаніе и охрана и народной свободы.

Ни въ какихъ юридическихъ, или имущественныхъ особыхъ правахъ дворянство не нуждается, какъ классъ наиболѣе обезпеченный относительно большимъ размѣромъ своего землевладѣнія. Съ поднятіемъ общаго народнаго труда и хозяйства, уже въ силу этого поднимется и упрочится матеріальное положеніе дворянства. Можно говорить лишь о его юридическомъ положеніи и здѣсь сами собой представляются два вопроса: вопервыхъ, объ участіи дворянства въ мѣстномъ самоуправленіи, вовторыхъ, о пополненіи рядовъ дворянства лучшими силами изъ другихъ сословій, и только

въ смыслѣ нравственнаго отличія, нравственной признательности за тѣ или другія услуги Землѣ и государству.

Основываясь на установившейся уже дворянской традиціи земскаго служенія, дворянству, земскому и осѣдлому, конечно, необходимо придать первенствующую роль въ земскомъ самоуправленіи. Ему должно по прежнему принадлежать по праву предсѣдательство въ областномъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ и половина мѣстъ въ первомъ. Нынѣшняя сословно дворянская организація должна быть удержана и поднята до области, причемъ областное дворянское собраніе должно состоять изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, или, въ несамостоятельныхъ уѣздахъ, изъ дворянъ, избранныхъ въ предводители земскимъ собраніемъ. Областной предводитель дворянства, избранный собраніемъ предводителей, и два его товарища должны быть: первый предсѣдателемъ областнаго земскаго собранія, остальные его вице-предсѣдателями и непремѣнными членами областной думы. Областной предводитель будетъ лицомъ равнымъ государеву намѣстнику, или генералъ-губернатору, и вмѣстѣ съ нимъ, а также предсѣдателемъ думы долженъ имѣть личный докладъ у Монарха. Въ его, или въ его дворянскаго замѣстителя лицѣ, вмѣстѣ съ избранникомъ областнаго земства, стоитъ передъ Государемъ областное самоуправленіе въ спорѣ съ государственной административной властью, если этотъ споръ возникъ. На немъ лежитъ отвѣтственность за пренія въ областномъ собраніи и за его постановленія; въ немъ гарантія вѣрной государственной мысли и патріотизма области, какъ на уѣздномъ предводителѣ отвѣтственность за свой уѣздъ.

Но при областномъ дѣленіи кончается центральная государственная роль дворянства. Въ государственный механизмъ во всѣхъ его отрасляхъ призываются люди по личному выбору Государя и здѣсь нѣтъ мѣста сословности, а есть лишь мѣсто способностямъ и талантамъ. Назначенный Государемъ министръ или членъ Государственнаго, или Народохозяйственнаго Совѣта, или Сената можетъ быть лишь человѣкъ выдвинувшійся изъ среды земства по своимъ выдающимся способностямъ и уже самый фактъ его выбора и назначенія

долженъ давать ему права потомственнаго дворянина, если онъ не былъ таковымъ, помимо всякихъ чиновъ, или выслуги.

Это въ точности соотвѣтствуетъ тому способу пополненія дворянскихъ рядовъ, который въ данномъ положеніи Россіи является единственно умѣстнымъ.

Задача этого пополненія — усилить составъ „лучшихъ людей“ страны пріобщеніемъ къ роду даннаго выдающагося лица дворянской традиціи въ лицѣ его потомства.

Что такое теперь можетъ быть „лучшій человѣкъ“? Очевидно, лишь тотъ, кто оказалъ государству или народу крупную личную и притомъ вполнѣ нравственную и безкорыстную услугу. Геніальный поэтъ, художникъ, музыкантъ, философъ, ученый, изобрѣтатель. Выдающійся земледѣлецъ или промышленникъ, явно для всѣхъ сослужившій крупную, особенную службу своей мѣстности, области, или государству. Наконецъ военный герой. Предполагая, что потомство даннаго лица будетъ чтить и хранить имя и подвигъ предка, и не можетъ этого не дѣлать, это потомство уже самымъ этимъ фактомъ пріобщается къ сословію лучшихъ людей. Тогда и самое сословіе пріобрѣтетъ осязательно культурный характеръ на всѣхъ поприщахъ, а тѣмъ самымъ устраняется отживній уже принципъ возведенія въ дворянство путемъ безпорочной выслуги, въ наши дни создающій отнюдь не славную традицію.

Дворянству въ странѣ дается такимъ образомъ совершенно реальная основа бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ общественную жизнь вносится великій этическій стимулъ: каждый гражданинъ возможной высшей нравственной наградой — увѣковѣченіемъ личной доблести въ своемъ потомствѣ, призывается къ дѣлу этой личной доблести путемъ свободнаго служенія своей родинѣ на всѣхъ поприщахъ, гдѣ его личное дарованіе можетъ проявиться не въ погонѣ за своими личными и своекорыстными интересами, а въ безкорыстномъ служеніи общему дѣлу.

Разумѣется, возведеніе въ потомственное дворянское достоинство должно оставаться непосредственною и личною прерогативою Самодержавной Власти, но ходатайство о томъ должно восходить отъ всякой общественной корпораціи, раз-

сматриваться и поддерживаться дворянскими собраніями, городскими собраніями, земскими собраніями области и центральными ученымъ и политическими учрежденіями по спеціальному регламенту.

Такимъ путемъ возможно созданіе многочисленнаго и дѣйствительно „лучшаго“ общественнаго класса и въ мѣстностяхъ, доселе этого элемента лишенныхъ. До тѣхъ-же поръ, въ областяхъ, гдѣ дворянское сословіе не имѣетъ подъ собою землевладѣнія, или слишкомъ малочисленно, самоуправленіе должно быть организовано нѣсколько иначе, причемъ предсѣдателями уѣздныхъ земскихъ собраній могутъ быть назначаемы предводители дворянства, оплачиваемые отъ области, но избираемые въ областныхъ собраніяхъ дворянскихъ губерній и утверждаемые центральнымъ правительствомъ.

XIX.

На этомъ можно и остановиться. Основныя начала, на коихъ можетъ быть построено русское самоуправленіе подъ истинно самодержавною Верховною Властью болѣе или менѣе выяснены. Мнѣ остается разсмотрѣть, какимъ образомъ можетъ и долженъ совершиться переходъ отъ нынѣшняго порядка вещей къ изображенному здѣсь.

Многимъ можетъ показаться, что этотъ переходъ необыкновенно сложенъ и тяжелъ и будетъ сопровождаться болѣзненною коренною ломкою существующаго строя. Это заблужденіе.

Совершенно также, какъ еще задолго до уничтоженія крѣпостнаго права мысль объ этомъ созрѣла въ умахъ и народа и его лучшихъ людей, и само крѣпостное право стало всѣмъ невыносимо и ненавистно, такъ и теперь бюрократическое управленіе страной, само себя изжившее и всѣми ненавидимое, можетъ быть упразднено безъ малѣйшаго затрудненія или сожалѣнія. День, въ который будетъ возстановлено истинно русское историческое самодержавіе нашихъ Царей на почвѣ земскаго самоуправленія станетъ еще болѣе яркою

историческою гранью, чѣмъ 19 февраля 1861 года. Теперь даже трудно себѣ представить ту радость, тотъ всенародный восторгъ, когда будетъ съ высоты Престола возвѣщено освобожденіе Царя и народа отъ мертваго и безсмысленнаго механизма, изуродовавшаго Россію, приведшаго ее къ разврату и разложенію и поставившаго на край гибели.

Прежде всего, разумѣется, необходимо, чтобы Государь убѣдился въ вѣрности здѣсь сказаннаго и пожелалъ эту программу осуществить. Ему будетъ необходимо избрать исполнителемъ этого дѣла выдающагося по уму и честности человѣка и вручить ему портфель министра Внутреннихъ Дѣлъ; одинъ изъ товарищей министра вступитъ въ управленіе министерствомъ и приметъ всѣ текущія дѣла, новый-же министръ посвятитъ себя всецѣло дѣлу реформы. Затѣмъ изъ среды членовъ Государственнаго Совѣта и Сената должна быть образована Верховная Комиссія съ приглашеніемъ въ ея составъ нѣсколькихъ губернскихъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и предсѣдателей земскихъ управъ. Этой комиссіи министръ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ докладывать весь ходъ реформы и, по обсужденіи всѣхъ подробностей, журналы и особыя мнѣнія комиссіи будутъ докладываться Государю. Утвержденный Имъ журналъ и будетъ руководствомъ для дальнѣйшей работы.

Прежде всего должно быть возстановлено въ полной силѣ дѣйствіе Земскаго Положенія Императора Александра II съ нѣкоторыми измѣненіями въ избирательномъ законѣ, а именно: избраніе уѣздныхъ гласныхъ отъ крестьянъ должно идти по волостямъ, во всѣхъ волостяхъ въ одинъ и тотъ-же день и часъ подъ руководствомъ комиссіи изъ приходскаго священника, волостнаго старшины и мѣстнаго землевладѣльца, по назначенію земской управы, подъ предсѣдательствомъ лица, ими самими изъ среды своей избраннаго. Каждая волость посылаетъ одного гласнаго изъ лицъ всѣхъ сословій. Не должны быть гласными лица волостной и уѣздной администраціи, приходское духовенство и участвующій въ волостной комиссіи землевладѣлецъ, послѣдній за исключеніемъ случая единогласнаго избранія. Никакого утвержденія для гласнаго

не требуется, кромѣ провѣрки его правъ самимъ земскимъ собраніемъ.

Выборы отъ частныхъ землевладѣльцевъ должны происходить по старому избирательному закону, хотя было-бы желательно ввести предварительно систему пропорціональныхъ выборовъ.

Число владѣльческихъ гласныхъ возвышается до равенства съ числомъ гласныхъ отъ кресьянъ. Городское представительство увеличивается въ размѣрѣ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_3$ всего числа гласныхъ обѣихъ избирательныхъ группъ.

Организовавшееся уѣздное земское собраніе производитъ выборы въ собраніе губернское на прежнихъ основаніяхъ. Это послѣднее по окончаніи своей сессіи выдѣляетъ предводителя дворянства, предсѣдателя управы и городскаго голову губернскаго города, вмѣстѣ съ двумя избранными гласными, на областной земскій съѣздъ.

Организовавшимся семи областнымъ съѣздамъ: Сѣверному, Сѣверо-Восточному, Московско-Нижегородскому, Юго-Западному (въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской должны къ тому времени закончиться первыя земскія собранія), Средне-Черноземному, Заволжскому и Новороссійскому, министромъ Внутреннихъ Дѣлъ будетъ предложена для разработки программа вопросовъ вмѣстѣ съ проектомъ организаціи областнаго земскаго собранія и его органовъ. Труды съѣзда поступаютъ на разработку Верховной Комиссіи и сообщаются для свѣдѣнія, сличенія и замѣчаній остальнымъ съѣздамъ.

По окончаніи работъ областнаго съѣзда онъ избираетъ на три года по два своихъ представителя въ Государственный Совѣтъ, съ такимъ разсчетомъ, что одному изъ нихъ придется, кромѣ общихъ вопросовъ управленія, знать хорошо экономическую и финансовую часть.

Избранные двадцать восемь человѣкъ входятъ съ правомъ голоса въ составъ Государственнаго Совѣта, куда затѣмъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ вносится выработанное Верховною Комиссіею общее положеніе о земскомъ само-

управленіи и особый уставъ для каждой области. Засимъ Верховная Комиссія закрывается.

По разработкѣ этихъ законопроектовъ и утвержденіи ихъ Государемъ, въ названныя семь областей назначаются генералъ-губернаторы, которые прежде всего созываютъ первыя областныя земскія собранія въ усиленномъ составѣ гласныхъ для приведенія въ дѣйствіе во всѣхъ подробностяхъ областнаго самоуправленія и ликвидаціи губернскихъ земствъ. Подлежащія вѣдомства выдѣляютъ изъ своего вѣдѣнія указанныя въ уставѣ областей дѣла и сдаютъ ихъ областному управленію, переводя на службу области на существующихъ основаніяхъ соотвѣтственную часть своего служебнаго персонала. Во имя справедливости, никто изъ лицъ находящихся на государственной службѣ не долженъ потерять своего мѣста, ни лишиться своего содержанія.

Покончивъ съ организаціею русскихъ земскихъ губерній въ земскія области, министръ Внутреннихъ Дѣлъ вноситъ въ Государственный Совѣтъ свои предположенія объ организаціи самоуправленія въ остальныхъ русскихъ и инородческихъ областяхъ, кромѣ Польши. По одобреніи основныхъ началъ этого самоуправленія Совѣтомъ и утвержденіи Государемъ, для каждой области особо, образуется совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ, изъ двухъ юрисконсультовъ, трехъ земскихъ членовъ бывшей Верховной Комиссіи и представителей вѣдомствъ по усмотрѣнію Государственнаго Совѣта. Это совѣщаніе направляется въ областной городъ будущей области и, для разработки областнаго устава на началахъ утвержденныхъ Государемъ, пополняетъ свой составъ свѣдущими лицами изъ мѣстныхъ жителей и чиновъ мѣстныхъ управленій правительственныхъ и общественныхъ, по приглашенію предсѣдательствующаго въ совѣщаніи сенатора.

Выработанныя такимъ образомъ основныя положенія объ организаціи мѣстнаго областнаго самоуправленія вносятся по каждой области особо въ Государственный Совѣтъ и затѣмъ на утвержденіе Государя, послѣ чего въ область назначается генералъ-губернаторъ, который и дѣйствуетъ, какъ указано

выше, на точномъ основаніи устава, т. е. собираетъ областное собраніе и пр.

Нѣсколько иной порядокъ долженъ быть примѣненъ для Царства Польскаго. Тамъ долженъ быть созванъ собственный учредительный сеймъ съ совѣщательнымъ характеромъ, которому долженъ быть предложенъ на разсмотрѣніе проектъ органическаго устава, выработанный министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Сеймъ долженъ быть созванъ изъ депутатовъ, по одному отъ уѣзда, и пополненъ представителями городовъ. Такъ какъ гмина всесословна, то достаточно одного отъ нея представителя въ повѣтовый сеймикъ, равнозначущій съ нашимъ земскимъ собраніемъ. Этотъ сеймикъ вышлетъ отъ себя повѣтоваго депутата на сеймъ въ Варшаву.

По разсмотрѣніи сеймомъ предложенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, выработанный законопроектъ вносится на осужденіе Государственнаго Совѣта съ участіемъ депутатовъ сейма въ количествѣ десяти человѣкъ и, утвержденный Государемъ, становится органическимъ уставомъ Польши и приводится въ дѣйствіе генералъ-губернаторомъ. Такъ какъ Польша должна имѣть совершенно особое управленіе и свой Государственный Совѣтъ, то въ имперскомъ Государственномъ Совѣтѣ достаточно присутствія одного ея статсъ-секретаря, который, совмѣстно съ русскимъ генералъ-губернаторомъ Польши, будетъ имѣть личный докладъ у Государя.

По мѣрѣ организаціи областнаго самоуправленія и открытія дѣйствія областныхъ собраній, Государственный Совѣтъ пополняется представителями областей по одному отъ окраинныхъ областей, по два отъ русскихъ областей Европейской Россіи (какъ сказано выше) и сверхъ того по два дополнительныхъ отъ областей Московско-Нижегородской и Средне-Черноземной. Въ моментъ заключенія реформы составъ земскаго представительства въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ:

Отъ областей Сѣверной, Сѣверо-Восточной, Юго-Западной, Заволжской и Новороссійской по два	10 челов.

Отъ областей Московско-Нижегородской и Средне-Черноземн. по четыре человѣка .	8	челов.
Отъ Польши и Финляндіи статсъ-секретарей	2	„
Отъ остальныхъ девяти обл. по одному. .	9	„
Отъ г.г. Москвы, С.-Петербурга и Кіева .	3	„
Итого	32	челов.

Засѣданія Государственнаго Совѣта должны быть гласны и публичны. Пренія и законопроекты печатаются въ „Правительственномъ вѣстникѣ".

Когда Государственный Совѣтъ окончательно организуется, онъ долженъ распасться на два совершенно самостоятельныхъ отдѣла, точнѣе выдѣлить изъ себя всю область экономическую и финансовую, съ организаціей особаго, упомянутаго выше, Народохозяйственнаго Совѣта. Я не буду входить въ подробности его организаціи, долженъ лишь указать, что здѣсь земское представительство областей имѣетъ еще болѣе важное значеніе и, если его придется численно усилить, дабы наличнаго состава земскихъ членовъ съ избыткомъ хватало для всякихъ самостоятельныхъ и коллегіальныхъ работъ, никакого неудобства отсюда произойти не можетъ.

Государственный Совѣтъ останется органомъ общаго законодательства и совѣщательною Думою около Государя по всѣмъ важнѣйшимъ политическимъ дѣламъ. Подъ его вѣдѣніемъ могутъ находиться вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, учено-литературно-художественное, полицейское, санитарное и пр. Народохозяйственный Совѣтъ будетъ самостоятельнымъ органомъ государственной экономической политики и его функцій, равно, какъ и ближайшихъ служебныхъ его органовъ должны составить предметъ особаго изслѣдованія, до извѣстной степени возможнаго и въ русской печати.

За реорганизаціей Государственнаго Совѣта должна послѣдовать реорганизація св. Синода на каноническихъ началахъ и высшаго церковнаго управленія приблизительно по программѣ А. А. Кирѣева, покойнаго Иванцова-Платонова и Н. Н. Дурново. Необходимо лишь добавить къ ихъ программѣ, что митрополіи должны совпадать съ областями, и въ каждой митрополіи долженъ ежегодно собираться епископскій

соборъ. Общій помѣстный соборъ Русской Церкви, долженъ окончательно выработать устройство священнаго Синода при первенствующемъ архіепископѣ-митрополитѣ или патріархѣ.

Затѣмъ долженъ быть реорганизованъ Сенатъ въ чисто административное учрежденіе съ выдѣленіемъ своихъ судебныхъ функцій въ особый верховный имперскій кассаціонный судъ.

Мнѣ кажется, что въ смыслѣ основныхъ началъ необходимой реформы нашего государственнаго строя, направленной къ постановкѣ у насъ царскаго самодержавія и земскаго самоуправленія на вѣрныхъ и историческихъ принципахъ, — здѣсь сказано достаточно. Детали будутъ вполнѣ понятны. Изчезнетъ изъ нашего обихода всего одно лишь Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдній представитель коего сложитъ съ себя обязанности съ окончаніемъ реформы. Это всесильное вѣдомство, которому Россія XIX вѣка обязана крестьянскою и земскою реформою съ одной стороны, уничтоженіемъ всѣхъ великихъ реформъ Александра II, мракомъ, гнетомъ и общественнымъ застоемъ съ другой — сойдетъ наконецъ со сцены, смѣнившись чисто техническимъ вѣдомствомъ *статистики самоуправленія* Я думаю, что не будетъ необходимости и въ особой государственной полиціи, ибо полиція областная въ рукахъ мѣстныхъ завѣдующихъ внутренними дѣлами членовъ областныхъ управъ будетъ совершенно достаточна. Жандармскіе чины въ Финляндіи напримѣръ, умираютъ въ настоящее время отъ скуки и для „оказательства“ своей дѣятельности сочиняютъ небылицы и наговоры о пресловутомъ финскомъ сепаратизмѣ.

XX.

Настоящій очеркъ мнѣ хочется закончить указаніемъ великой важности текущей минуты и вмѣстѣ съ тѣмъ крайней опасности положенія Россіи, какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и внутри ея самой.

Опасность внѣшняя заключается въ томъ, что не смотря на видимое блистательное международное положеніе, занимаемое Россіей, она не только не въ силахъ исполнять какія-бы то

ни было свои задачи или болѣе общія задачи славянскаго и православнаго міра, но ежедневно сама, своими руками, создаетъ себѣ все болѣе и болѣе тягостное положеніе. Союзъ съ Франціей установилъ, правда, нѣкоторое равновѣсіе силъ, и отсрочилъ развязку великихъ европейскихъ вопросовъ, но едва-ли еще не обострилъ этимъ положеніе. Франція разлагается на нашихъ глазахъ и, можетъ быть, подошла къ кровавому государственному перевороту, изъ котораго не скоро найдется выходъ. Сила Германіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Пока насъ не толкнули въ политику приключеній на Дальнемъ Востокѣ, мы могли въ совершенной безопасности со стороны Азіи все вниманіе удѣлять европейскимъ дѣламъ и медленно подвигаться по нашему историческому пути къ Царьграду, ожидая естественной смерти Турціи и Австріи. Но теперь наши руки связаны тамъ, а на европейскомъ юговостокѣ полные хозяева — Германія и Австрія. Мы не умѣли привлечь ко франко-русскому союзу Англію и этимъ обезпечить себѣ полное преобладаніе на сушѣ и на морѣ и полную безопасность всякаго движенія на Балканы и къ проливамъ, для Англіи потерявшимъ значеніе. Вмѣсто того, мы, единственно въ пользу Германіи, окончательно вооружили противъ себя Англію и какъ-бы толкаемъ ее въ объятія Германіи. Нѣтъ ничего невозможнаго, что такая комбинація наступитъ, міръ временно будетъ въ смыслѣ гегемоніи подѣленъ между Тевтонами и Англо-Саксами, и тогда, оторвавшись отъ насъ, сюда пристанетъ и ослабѣвшая, никому не опасная и ненужная Франція. Тогда рѣшится австрійскій вопросъ въ смыслѣ полнаго торжества германизма, который уже пробилъ себѣ дорогу на новыя земли Малой Азіи и неудержно стремится къ расширенію путемъ мирной колонизаціи. Россія будетъ вновь изолирована, но во главѣ коалиціи противъ нея будетъ не мимолетный завоеватель, способный лишь опустошить ту или иную полосу и затѣмъ исчезнуть, а культурное и могучее племя, задыхающееся въ тѣснотѣ и не отдающее разъ захваченнаго.

Самый фактъ существованія Россіи многоземельной и некультурной, съ ослабѣвшимъ, голоднымъ и вымирающимъ

населеніемъ, рядомъ съ организованной, какъ машина, Германіей, составляетъ вопіющую опасность, усиливающуюся съ каждымъ днемъ вооруженнаго мира. Этотъ миръ все болѣе и болѣе ослабляетъ Россію и усиливаетъ Германію, которая, шутя, покрываетъ свои колоссальные военные расходы и умѣетъ перевооружать милліонныя арміи въ глубокой тайнѣ, удерживая всегда огромное военное преобладаніе, какъ Англія преобладаніе морское.

Но никакая внѣшняя напасть не была-бы страшна для Россіи, еслибы ее не подтачивали внутри двѣ разрушительныхъ силы: ея поистинѣ плачевная финансовая и экономическая политика и ея бюрократическій режимъ, не только парализующій всякую возможность правильной организаціи народныхъ силъ, но явно эти силы расшатывающій и уничтожающій.

О финансовой и экономической нашей политикѣ слишкомъ много говорено въ „Русскомъ Трудѣ“ и ея крайняя опасность достаточно выяснена. Ужасъ передъ результатами бюрократическаго режима, дошедшаго въ наши дни до послѣднихъ степеней безобразія и нравственнаго уродства и очевидно ведущій нашу родину къ гибели, побудилъ меня, можетъ быть, преждевременно, недостаточно обдуманно и зрѣло, изложить настоящія мысли.*)

Заглянемъ назадъ въ нашу исторію истекающаго вѣка. Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ послѣ революціонной вспышки, повинуясь вполнѣ понятному чувству отвращенія къ идеѣ народнаго представительства, уничтожилъ выработанную Сперанскимъ систему въ той ея половинѣ,

*) Оказывается уже сейчасъ, что правительство рѣшительно ничего не можетъ сдѣлать для предупрежденія голодовокъ и поднятія сельскаго хозяйства въ виду диктатуры финансоваго вѣдомства, которое рѣшило, кажется, все народное хозяйство Россіи принести въ жертву, ради удержанія металлическаго обращенія и золотой валюты. Эта политика поддерживается всеобщимъ непониманіемъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ и усернымъ содѣйствіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, помогавшимъ замалчивать очевидно е народное бѣдствіе. Эта-же политика поддерживается и всѣмъ бюрократическимъ строемъ, — обратившимъ правящій аппаратъ въ молчаливое „соглашеніе“ лицъ, стремящихся удержаться у власти.

которая составляла противовѣсъ бюрократіи и контроль надъ нею. Остался чисто бюрократическій режимъ, приведшій Россію къ Севастопольскому погрому. Великія реформы Александра II были еще при его жизни извращены въ своихъ основаніяхъ никѣмъ инымъ, какъ бюрократіею, заслонившею собой мало по малу всю живую силу страны и поставившею и земство, и печать, и судъ въ положеніе поистинѣ невыносимое. Бюрократическая финансовая система, проводимая людьми случая, въ то-же время матеріально обирала страну и, лишая ее экономической силы, парализовала и ея силу нравственную, внося смуту въ умы. Та-же бюрократическая система не была въ силахъ охранить священную личность Царя-Освободителя, и онъ палъ въ тотъ именно моментъ, когда уже готовъ былъ обратиться къ живой народной силѣ въ лицѣ земщины. Та-же бюрократія извратила нашу школу, подготовивъ поколѣнія, къ живому дѣлу и ясному пониманію нуждъ родной Земли вполнѣ неспособныя. Та-же бюрократія привела насъ къ горькому униженію послѣ великой народной войны. Наконецъ та-же бюрократія, создала неслыханный развратъ концессій и всяческаго грюндерства и хищенія, предавъ Россію Евреямъ.

Александръ III, всею душею вѣровавшій въ самодержавіе, но подъ вліяніемъ страшнаго впечатлѣнія отъ злодѣянія 1 Марта изолировавшій себя отъ соприкосновенія съ живыми, уже созрѣвшими въ земской школѣ силами страны, далъ полное торжество бюрократическому началу, создавъ диктатуру графа Д. А. Толстаго, коего вся задача была извратить и уничтожить всякій слѣдъ реформъ Александра II, унизить и парализовать самоуправленіе. Подъ предлогомъ борьбы съ крамолою и охраны священныхъ принциповъ Церкви и самодержавія, и то и другое было окончательно убито. Церковь потеряла всякую духовную силу и обратилась въ бюрократическое духовное вѣдомство съ диктаторомъ въ лицѣ оберъ-прокурора св. Синода. Самодержавіе было явно расхищено министрами, составившими цѣпь вокругъ благороднаго и прямодушнаго Государя, иногда и не подозрѣвавшаго, что творится его именемъ.

Въ это царствованіе сошли со сцены всѣ крупные дѣятели, сотрудники Александра II, и мѣсто ихъ заняли или скромныя посредственности, или явные хищники въ родѣ Кривошеина и Вышнеградскаго. Почувствовалось страшное безлюдье, ибо обезличенное и придавленное земство перестало выдвигать государственныхъ работниковъ, почувствовалось, что Россія загнила живая. . . . .

Такое наслѣдство досталось на долю нынѣ царствующаго Государя. Самая лучшая черта въ человѣкѣ и правителѣ, самое драгоцѣнное для порядка и спокойствія гражданъ качество — уваженіе къ памяти Родителя и Предшественника и скромная, мудрая осторожность передъ всякой ломкой установившихся отношеній — въ данномъ положеніи не приносятъ пользы. Наша бюрократія еще выше подняла голову, еще тѣснѣе сплотилась вокругъ молодаго и неопытнаго Государя, чтобы совершенно изолировать Его отъ всякаго соприкосновенія съ народной мыслью и живыми земскими силами. Нашъ прекрасный, милый молодой Государь, производящій чарующее впечатлѣніе своей простотой и искренностью, полный вѣры въ свое дѣло и великодушнѣйшихъ порывовъ, не въ силахъ разобраться въ томъ туманѣ лжи и наглой недобросовѣстности, которая его окружаетъ. Мысль Земли, если въ смутномъ стонѣ или ропотѣ и восходитъ до Него, то только заставляетъ Его страдать, не имѣя возможности, что либо сдѣлать, ибо оклеветана и заподозрѣна передъ Нимъ эта мысль. Со всѣхъ сторонъ внушается Ему, что земство есть лишь коварный предтеча парламентизма и конституціи, что не можетъ и не долженъ Государь уступать Богомъ данной Ему власти и искать въ чемъ либо опоры, кромѣ бюрократіи.

А между тѣмъ, сама бюрократія, падая нравственно все ниже и ниже, не выноситъ уже и малѣйшаго себѣ противодѣйствія или противорѣчія. Она постаралась устранить въ Россіи послѣднюю тѣнь законности, столь для нея стѣснительной. Всякая отвѣтственность исчезла совершенно. Всякая возможность для частнаго лица въ спорѣ съ тѣмъ или инымъ правящимъ вѣдомствомъ опереться на законъ и

возстановить попранное право, — отнята. Весь народъ въ полномъ составѣ отданъ на милость и немилость, не тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ даже, а мертваго, безличнаго механизма, сложившагося въ страшную систему лжи и произвола, ненавистную даже для самихъ агентовъ власти, патріотизмъ и человѣческое достоинство которыхъ совершенно упразднены. Колоссальный, безграничный произволъ даннаго агента власти не можетъ дать ему никакого утѣшенія, ибо надъ нимъ сверху тяготѣетъ еще болѣе тяжкій произволъ его начальника, и лишь на самомъ верху, надъ министрами кончается этотъ произволъ, ибо скромный и благородный Государь, повинуясь своему сердцу и историческому инстинкту, боится пуще всего этого произвола, ибо въ Царѣ одномъ бодрствуетъ совѣсть и живо чувство отвѣтственности передъ исторіей.

Но тутъ-же лежитъ и великая опасность. Когда положеніе осложняется и Самодержцу становится необходимо дѣйствовать, хотя-бы и безъ ясной увѣренности въ результатахъ, у него заранѣе отнята возможность получить добрый совѣтъ. При отсутствіи организованной подъ Верховною Властью земщины, всякій совѣтъ, подаваемый Царю, является въ зловѣщемъ свѣтѣ „нашептыванія“. Около Монарха можетъ явиться лишь человѣкъ случайный, мнѣніе котораго можетъ быть вѣрнымъ и совѣтъ спасительнымъ также лишь случайно. Отъ такого рода пособія царскому сознанію да избавитъ насъ Богъ! Такимъ образомъ могутъ подсказываться и проводиться мѣры, кореннымъ образомъ противуположныя истиннымъ интересамъ Россіи; такимъ путемъ могутъ выростать въ государственныхъ дѣятелей чаще всего лишь временщики и проходимцы. Такой путь вѣрнѣе всего компрометтируетъ самодержавіе и ведетъ Землю къ гибели, ибо чѣмъ сомнительнѣе авторитетъ и нравственное достоинство временщика, выдвинутаго случаемъ на верхъ бюрократической пирамиды, тѣмъ круче и безпощаднѣе его произволъ, безъ котораго ему невозможно удержаться и нѣсколькихъ дней.

Мало по малу съ исчезновеніемъ даже и той слабой тѣни законности и отвѣтственности, которая была присуща

бюрократическому режиму эпохи Александра II, этотъ режимъ развратился до послѣдней степени. Личные интересы и интересы вѣдомствъ заступили настолько мѣсто патріотизма и и интересовъ Царя и народа, что о послѣднихъ въ наши дни нельзя уже и говорить иначе, какъ въ ироническомъ смыслѣ. Все оцѣнивается только съ единственной точки зрѣнія личнаго успѣха, личной карьеры, возможности подняться кверху и удержаться на добытомъ путемъ всякихъ сдѣлокъ съ совѣстью, а иногда и прямыхъ злодѣяній, мѣстѣ. Самые лучшіе люди, попадая въ этотъ міръ, не могутъ измѣнить его хода и быстро приспособляются къ обстановкѣ, хотя-бы уже во имя самосохраненія. Отсюда странное и ужасное явленіе. Люди у насъ неизмѣримо выше и лучше, чѣмъ ихъ служебныя дѣйствія. Человѣкъ совершенно раздвояется. Честный и благородный въ семьѣ и обществѣ, правильно и широко смотрящій, какъ писатель или мыслитель, становится въ своемъ вѣдомствѣ трусливымъ и безсознательнымъ, а иногда и сознательнымъ орудіемъ произвола, насилія и вообще всякаго зла. Много-ли найдется у насъ на высшихъ постахъ чиновниковъ, которые хоть сколько нибудь вѣрили-бы въ свое дѣло, болѣе того, имѣли хоть каплю самоуваженія? Да развѣ-же можно уважать себя, ежедневно, ежечасно кривя душой и дѣйствуя не по повелѣніямъ совѣсти и патріотизма, а по самымъ низменнымъ побужденіямъ?

Какъ ни ужасенъ, какъ ни противуестественъ такой режимъ, но онъ на нашихъ глазахъ разросся настолько, что буквально упразднилъ въ общественной жизни все остальное, убилъ всякое проявленіе частной личной и общественной иниціативы, оставивъ вольною лишь сферу хищеній и наживы. Земство безгласно, общество разрознено, изолировано и молчитъ, въ печати вытравлено всякое независимое и правдивое мнѣніе. Гдѣ требованія внѣшняго благообразія мѣшаютъ произволу доходить уже до полной дикости, тамъ является соблазнъ подкупа. Можно смѣло сказать, что печати у насъ не существуетъ, а есть лишь ея внѣшнее подобіе. Вся наша жизнь складывается изъ однихъ этихъ подобій,

изъ безграничной и безконечной лжи, заливающей и оподляющей всѣхъ со всѣхъ сторонъ.

И чѣмъ сильнѣе надвигаются опасности внѣшнія, чѣмъ ожесточеннѣе идетъ раззореніе Россіи и гибель нашей культуры, тѣмъ ярче и махровѣе разростается древо нашего бюрократизма на почвѣ произвола, усмотрѣнія и духовнаго мрака. Въ то время, какъ все кругомъ Россіи сплачивается, усиливается и растетъ, одна наша несчастная родина хиреетъ и сохнетъ съ каждымъ днемъ.

Неужели-же возможно сомнѣваться, что въ минуту опасности такая страна, хотя-бы огромная по своему пространству и населенію, хотя-бы проживпая и свыше тысячи лѣтъ исторической жизни и явившая міру и начала новой культуры, и образцы удивительнаго государственнаго смысла, можетъ оказать необходимую сплоченность и силу для борьбы? Франція временъ второй имперіи и Россія подъ Севастополемъ — примѣры слишкомъ достаточные результатовъ ослабленія началъ искренности, правды и народной свободы, безъ которыхъ немыслимъ прочный порядокъ въ государствѣ. Но Россія современная не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ Россіей 50-хъ годовъ. Тогда были живы всѣ великія общественныя силы, притаившіяся подъ внѣшнимъ грубымъ гнетомъ. Каковы-то эти силы теперь, когда оподлѣніе и развратъ проникли насквозь до глубинъ народной жизни, когда уже самый русскій народъ ослабленъ экономически и развращенъ нравственно и гражданскп до самыхъ дальнихъ и глухихъ угловъ?

Размышляя обо всемъ этомъ и группируя ежедневно накопляющіеся разящіе факты, сердце невольно сжимается за судьбу Родины и умъ зачастую одолѣваютъ сомнѣнія въ самой возможности какого-нибудь выхода. Лучшіе русскіе люди проникнуты глубокимъ и безграничнымъ пессимизмомъ. Они мысленно уже осудили Россію на гибель, ибо не видятъ даже возможности выхода и возрожденія.

Но, можетъ быть, этотъ пессимизмъ въ концѣ концовъ несправедливъ? Можетъ быть, онъ внушается лишь нашею личною близостью къ безобразіямъ современности, къ этой

гангренѣ, что разъѣдаетъ Россію? Можетъ быть, ей предстоитъ еще и счастье, и благосостояніе, и великое міровое будущее? Можетъ быть, это лишь неминуемая ликвидація петербургскаго періода?

Хотѣлось-бы вѣрить этому. Но, если для этой вѣры есть еще мѣсто въ русскомъ сердцѣ, то она можетъ оправдаться, я думаю, только тѣмъ путемъ, какой здѣсь изображенъ. Я думаю, что только органическое, здоровое сочетаніе самодержавія и самоуправленія соотвѣтствуетъ и духу нашей исторіи, и жизненнымъ потребностямъ нашего народа. Я думаю, что организующимъ Россію началомъ можетъ быть только начало нравственное, всецѣло воплощенное въ самодержавіи. Я думаю, что спасетъ насъ именно оно, а не парламентарный режимъ, о которомъ вздыхаютъ многіе малодушные соотечественники. Но чтобы самодержавіе было истиннымъ, необходимо дать ему твердую историческую и русскую опору.

Едва-ли еще есть умный и искренній человѣкъ въ Россіи, который возлагалъ-бы какія-нибудь надежды на возможность улучшенія нынѣшняго бюрократическаго режима, построеннаго на великой лжи. Остается одно: правильный земскій строй, уже спасшій Россію въ 1612 году и блистательно возродившій ея государственность. Этотъ земскій строй не можетъ сложиться иначе, какъ въ формѣ крупныхъ самоуправляющихся областей, связанныхъ воедино самодержавнымъ Царемъ и могущественнымъ, соотвѣтствующимъ времени и потребностямъ громаднаго организма Россіи, государственнымъ аппаратомъ. Основы этого строя изложены мною здѣсь.

Я отнюдь не стою за подробности дѣла, которыя пришлось указать ради полноты изложенія. Но тѣмъ болѣе стою я за способъ приложенія къ жизни славянофильскаго политическаго ученія о самодержавіи, построенномъ на самоуправленіи; здѣсь ничего не принадлежитъ мнѣ, ибо это лишь логическій выводъ изъ теоретическихъ положеній школы, посильно свѣренный съ условіями русской дѣйствительности.

Типографія П. Станкевича въ Берлинѣ.

Библиотека ИМЭЛ

112.